Жнец

Автор:
Евгений Щепетнов

Жнец

Евгений Владимирович Щепетнов

Колдун #4

Василий Каганов, участковый и черный колдун занимается поисками захваченной колдуном-врагом подруги Вари. А параллельно – ищет преступников, заслуживающих наказания. Смертельного наказания. Он ведь теперь – Жнец.

Евгений Щепетнов

Жнец

Глава 1

– Идиот! – хлесткий удар по щеке, и в ушах у меня зазвенело – ты идиот!

Тяжелая ручка у бабы Нюры! Даром что ей несколько сотен лет!

– Ладно, я идиот. Но что мне делать-то?

– Что-что… содрать штаны и бегать! Загубил девчонку, сучонок! Как есть загубил! Да будь ты проклят, паразит!

– Эй, эй… вы чего?! – искренне обеспокоился я. Когда ведьма произносит слова «будь ты проклят» – нужно готовиться к худшему. Даже если это белая ведьма.

– Пошел отсюда! Ну?! Пошел!

– А совет? Дайте совет, черт вас подери! Где мне искать Варю?! Где найти этого чертова колдуна?!

Баба Нюра посмотрела на меня, презрительно сплюнула и помотала головой:

– Так ничего и не понял, осел ты малолетний! Если ты его найдешь – найдешь свою смерть. А вот Варю ты вообще не найдешь. Никогда. Ты ее убил!

– Как это я ее убил? – у меня внутри все оборвалось – Он ее околдовал, найду колдуна, заставлю вернуть Варю. Ну а с ним разберусь, как положено. Мне только след найти! Я никак не могу его найти! Мои… в общем – бесы или не могут, или не хотят его искать. Говорят – не могут. Помогите! Баба Нюра, она ведь была под вашим покровительством! Она ведь родня ваша! Ну почему вы не хотите мне помочь?

– Потому, осел ты эдакий, что ничего ты с колдуном этим сделать не сможешь. Знаю я его, слышала о нем. Это очень сильный колдун, может даже сильнее тебя. А то, что он гораздо более умелый чем ты – это на сто десять процентов точно! Вообще непонятно – как ты ушел оттуда живым. Скорее всего просто он тебя отпустил, решил отомстить за нападение более интересным способом. Отнять у тебя самое дорогое, что есть. Ведь ты убил его помощницу, его ведьму – он убил твою.

– Да не убивал он! Околдовал, да! Но она живая!

– Убил, парень… – баба Нюра устало присела на скамейку, сложила темные, морщинистые руки на коленях – Это не Варя была. Это была его подруга, которую он вселил в тело Вари. А Варю отправил в загробный мир, в Навь, где и обитают души всех умерших. Они забрали тело Вари, и в нем теперь живет другая женщина. Понимаешь, нет? Он вселил в тело твоей женщины душу убитой тобой его подруги, и теперь развлекается с ней во всевозможных видах! И даже если ты найдешь его, Варю ты никогда не вернешь! Вот что ты наделал своей самонадеянностью, своей самоуверенностью, своей тупостью! А теперь

иди отсюда – чтоб мои глаза тебя не видели! Кышь!

Старуха вскочила, толкнула меня в грудь и я вылетел из коридора на улицу как пробка из бутылки шампанского. Еле на ногах удержался.

На душе было погано, так погано, что и словами не описать. В таком состоянии люди просто вешаются.

Но – я не «люди». Я гораздо хуже людей! Я черный колдун, а черные колдуны повеситься не могут! Повесся я, и буду месяц болтаться в петле, или год – пока веревка не сгниет, и я не упаду на землю. Но все равно не сдохну! Потому что для того, чтобы я помер, мне нужно отрубить башку, и только так. В противном случае я все равно буду жить. Под землей, или под водой – безразлично.

Открыл дверцу своего ТЛС-80, уселся на сиденье, завел, но сразу не поехал – включил кондиционер и стал дожидаться, когда он продует раскаленный под солнцем салон джипа. Меня сразу бросило в пот, как если бы уселся в духовку. Лето, жара! Скоро совсем будет жарко!

Так… и куда мне теперь ехать? С кем проконсультироваться?

К черной ведьме, куда же еще. Если белая ведьма меня прогнала – мне остается только черная. Закономерность, однако – если тебя отталкивает свет, куда ты идешь? Правильно – во тьму.

Рукоять в положение «драйв», отпускаю педаль тормоза, и здоровенная машина медленно движется вперед, переваливаясь на выбоинах деревенского асфальта. Покрытие давно уже просит ремонта, но администрация не спешит ремонтировать – где деньги взять? Обычная проблема провинциальных дорог.

До деревни, где живет черная ведьма Нина Петровна Хромкова я добрался за сорок минут. Здесь недалеко, но скакать по кочкам, разгоняясь выше разумной скорости – это просто глупо. Эдак и машину можно раздолбать, здесь быстро не ездят.

Остановился возле обманчиво простого деревенского домишки, ничем не примечательного, обшарпанного и скромного. Обманчиво – потому что я знал,

что это только фасад, что за этим домом пристройка, в которой есть все удобства, и которая нашпигована импортной бытовой техникой. А за пристройкой в огороде стоит новенький лендкрузер-200, который хозяйка этого дома Нина Петровна водит самолично и вполне даже лихо, как заправская автогонщица. Что в общем-то немудрено – стаж-то у нее… ого-го! Нет, не сотни лет – машины появились совсем недавно. Но как появились – вот с тех пор она их наверное и водит.

За маленькими окошками никакого движения. Что впрочем совсем ничего не значит – ведьма все видит, все слышит, и не удивлюсь если у нее стоят скрытые видеокамеры. Ну а что – ремесло черной ведьмы достаточно… хмм… опасное, нужно остерегаться. Выдашь снадобье для наведения порчи, а тот, на кого навела – узнает. И как он может отреагировать – никому не известно.

Кстати, а не двойные ли стандарты? Я напал на черного колдуна, желая искоренить его за нанесение ущерба людям (он через девицу навел порчу на жену некого олигарха), а сам вот так запросто приезжаю к черной ведьме и спрашиваю у нее совета! Ну да, черный колдун гораздо сильнее любой ведьмы, и даже нескольких ведьм, так что масштаб порчи у них разный, но ведь все равно порча! Могла бы Хромкина наводить порчу с большей эффективностью – она бы это делала. Просто не может! И это теперь основание для того, чтобы я не считал ее исчадьем ада? А рыжего колдуна – считаю!

Мда… что-то у меня голова кругом. Совсем я зарапортовался. Сам не знаю – что делаю. И самое главное – для чего. Сам-то я кто? Черный колдун! Мне положено творить черные дела! А я чем занялся? Людей спасаю! А еще – пытаюсь защитить мир от черных колдунов – читай – от самого себя! Да, что-то у меня крыша поехала, однако. Нужно над всем этим как следует подумать. Но – потом. Сейчас нужно найти Варю. Не верю я, что нельзя вернуть ее назад!

А мне нужно вернуть. И не только потому, что мы с ней живем уже как муж и жена, и у нас зародилось что-то вроде любви (я не уверен, но вроде бы!). Завтра придут ко мне отец и мать Вари, и спросят: «А ты куда нашу дочь подевал?! Ну-ка, отвечай!» И что я им скажу? Что их дочь похитил черный колдун, вынул из нее душу, и вместо нее вселил свою шлюху?! Ой-ей… меня аж холодом обдало! Сейчас какой-то рыжий тип возможно кувыркается с моей Варей в постели, и… Нет, лучше об этом не думать. Потом подумаю.

– Ну и чего сидишь, не выходишь? – услышал я голос рядом с машиной, поднял взгляд и увидел женщину лет пятидесяти-шестидесяти, одетую по-деревенски в платок, повязанный в подбородок, и во что-то похожее на сарафан. Это рабочий костюм ведьмы. Те, кто к ней приезжает, должны увидеть благообразную деревенскую знахарку, а не мадам на «кукурузере», одетую во всякие там гуччи. Это все равно как если бы сантехник взял, и пришел на вызов во фраке. Ты его ждешь одетого в рабочий комбинезон, а у него на груди галстук-бабочка, волосы уложены у барбера, а на руке золотые часы «Ролекс». Нет, каждой профессии должны соответствовать свой облик, своя форма одежды.

– Думаю! – ответил я, открывая дверцу и выпрыгивая наружу – как жить дальше думаю. Совет нужен ваш, Нина Петровна. И здравствуйте.

– Привет, привет… ну что же, пойдем, расскажешь – хмуро ответил женщина – И почему это кажется, что твой рассказ мне не понравится?

И не понравился. Когда я закончил рассказ, ведьма с минуту сидела откинувшись на спинку стула и полуприкрыв глаза, а потом спокойно и без эмоций сказала:

– Знаешь, Василий… ехал бы ты отсюда! Разбирайся со своими делами сам. На кой черт мне вызывать на себя гнев опытного, умелого колдуна? Который даже порталы умеет открывать! Ты еще и десятой частью необходимых знаний не обладаешь, тех знаний, которые нужны любому колдуну. Но счел себя готовым к тому, чтобы без оглядки влезть на территорию чужого колдуна и попытаться его убить! Кстати – он ведь предложил тебе закончить дело миром. А ты что? Отказал ему! В своей глупой самонадеянности считая, что можешь одолеть того, кто всю жизнь совершенствовал свои умения! И вот теперь ты приходишь ко мне и спрашиваешь света – как победить этого колдуна? А на кой черт мне это нужно, не подумал? А если он узнает, или просто у него будет подозрение, что я тебе помогаю? И что он тогда сделает?

– Что?

– А вот не знаю – что! Может решит, что я не достойна его внимания, а может поспешит меня убрать – как врага, как твоего союзника. И зачем мне это надо? Не подскажешь? Только не предлагай мне денег, ладно? Покойникам деньги не нужны! Вали к себе домой, и тихонько живи. Не отсвечивай. Может он тогда про

тебя и забудет. Ох ты ж черт! Защитник выискался! Униженных и оскорбленных! Не понравилось ему, что кто-то порчу навел на бабу! Снял порчу – молодец! И денег небось приподнял неплохо, да? Приподнял, я вижу… глазки масляные, как у кота объевшегося сметаной. Ладно, молчи. Даже знать не хочу – сколько ты взял. Сколько бы ни было – все твои. До самой твоей смерти. Теперь сваливай отсюда! Да побыстрее!

– Да что вы все как сговорились! Баба Нюра гонит, вы гоните! А мне надо мою женщину выручать! Неужели нельзя хоть совет дать – что делать?

Меня вдруг такая ярость охватила, досада просто жгла мне мозг, и хотелось взять, и… напустить порчу на эту бабу. И хрен она сумеет отбиться! Я сильнее ее в разы! А может и в десятки раз!

Возможно, она что-то увидела в моих глазах, что-то почувствовала, потому что вдруг побледнела и заговорила совсем других голосом – успокоительно, дружески:

– Вась, ну ты пойми… ты по своей глупости вляпался в неприятности. Ты может еще и выживешь – ведь сильнее меня в несколько раз! А я что буду делать? Колдун меня походя растопчет, как окурок! Зачем ты навлекаешь на меня его гнев?

– А вы не думаете о том, что навлекаете на себя МОЙ гнев?! – не выдержал, и уже зарычал я – Что я ничуть не лучше этого самого рыжего колдуна, и тоже могу принести вам неприятности?! Да еще какие! И колдун где-то там, далеко, а я-то рядом! Так что лучше бы вам не прогонять меня, а дать дельный совет, которым я возможно смогу воспользоваться. Я хорошо вам объяснил? Вы поняли?

– Что уж тут не понять… оперился ты! – усмехнулась ведьма – Быстро голову поднял! Смотри, как бы тебе ее не обрезали. Что может произойти просто запросто. Нет, нет – я тут ни причем! Ты нарисовался у колдуна, и теперь будешь объектом его охоты. Сильный, неумелый колдун – мечта любого мастера магии! Теперь ходи, да оглядывайся! Совет, говоришь? Вот тебе и совет – ходи, и оглядывайся. И жди. Еще вопросы? Вижу – вопросов нет. Ну тогда все, шагай, колдун. И да – ко мне больше не приезжай. Даже не открою.

Женщина посмотрела на меня колючим, неприязненным взглядом, и я встал, едва сдерживаясь, чтобы не учинить какую-нибудь пакость. Например – проклясть ее. Но сдержался, так как понимал – мне это ничего не даст, а вот неприятностей возможно прибавится.

– Рано списала меня со счетов, Нина! – только и смог я выдавить из себя, шагая к выходу из дома – Не пожалей!

– Не… не рано! – усмехнулся ведьма – В самый раз. Теперь сиди в своем доме и не вылезай, мальчик! Так тебе и надо, самонадеянный болван! Еще и угрожать мне вздумал!

Меня накрыла волна бешенства. Я уже было взялся за косяк, чтобы наклониться и пройти в невысокий дверной проем (для моего роста точно не предназначенный), и тут обернулся и пошел к ведьме. Она правильно поняла мои намерения и взвизгнула дурным голосом:

– Сидор! Защищать!

Появившегося из воздуха Помощника, похожего теперь на небольшого дракончика, а не на человека – я каким-то образом отбросил к стене так, что он впечатался в штукатурку, подняв облако пыли. Просто махнул рукой, и отбросил – как надоедливую муху. А когда он шлепнулся на пол – выпустил заклинание возврата беса в Навь, используя всю свою энергию – у меня даже из накопителя немного Силы потянуло, так я жахнул по этой энергетической твари. С запасом жахнул! В стене образовался водоворот, в который Сидора и затянуло.

Затем подошел к вскочившей с места ведьме, которая держала в руке какую-то склянку и хотел высказать ей все, что о этой бабе думаю, но не успел – она плеснула мне в лицо фосфоресцирующей жидкостью и забормотала какое-то заклинание, похожее на то, которое я только что использовал для изгнания ее помощника. Струя жидкости в меня не попала – все-таки я не зря занимался боксом. Она пролетела мимо и ударила в самовар, стоявший на подоконнике. И самовар тут же стал изменять свою форму, закручиваться в спираль, а через секунду с громким хлопком исчез, оставив после себя опаленный кружок на дереве подоконника и занимающиеся веселым огнем расшитые занавески.

– Ну и дура же ты – вздохнул я, глядя на учиненный разгром – Я думал с годами люди умнеют. А ты прожила пятьсот лет и ума не нажила! Да живи как хочешь… Я к тебе с уважением, а ты? Тьфу на тебя! Чтоб тебе сто лет счастья не видать, дурища старая!

С этими словами я вышел в коридор, а затем на улицу, к своей машине. Домой ехал грустный, вымотанный и выжатый, как тряпка. Подъехал уже после обеда – солнце еще высоко, а что делать, куда бежать и что делать – не знаю. Вокруг моего дома суетились рабочие, тарахтела техника, стройка шла полным ходом. А мне на все это плевать. Ничего не радует, ничего мне не нужно. Тоска смертная!

Оставил машину так, чтобы не мешать строителям, зашел в дом, сбросил с ног ботинки, плюхнулся на кровать и замер, заложив руки за голову и глядя в потолок. Мыслей не было совсем никаких. Ну вообще никаких! Тупо лежу и смотрю, лежу и смотрю…

И незаметно уснул.

Поляна в лесу. Сумерки. Темная фигура в длинном, до земли плаще. Лица не видно, капюшон совершенно его скрывает. Существо делает мне знак рукой, я медленно, очень медленно подхожу – ноги мои будто прилипают, я с трудом отдираю подошвы от земли.

Смотрю на ноги – они босы! И я раздет – совсем, догола! Но мне не холодно в этом лесу. Я вообще ничего не чувствую – ни запахов, ни холода. Иду будто под водой, преодолевая сопротивление многометровой толщи.

Все ближе, ближе… и во мне начинает расти страх! Фигура вырастает, вырастает… она стала огромной, и я маленький червячок у ее ног! И вдруг – рраз! Фигура уменьшается и мы становимся на одном с ней уровне. Человек (если это человек?) откидывает назад капюшон, я замираю, ожидая увидеть что-то вроде черепа с горящими красными глазами, но… это всего лишь лицо человека. Хотя человеком его назвать можно только с натяжкой – он слишком красив для человеческого существа. А еще – лицо существа слегка, но заметно светится в темноте. Глаза! Я вижу его глаза! Один глаз карий, другой – голубой! И мне кажется – одна сторона его лица смуглая, другая белая.

– Ты хотел меня увидеть – раздается голос, от звука которого в меня в голове будто взрываются петарды. Голос грохочет, но одновременно он сладок и мелодичен, и хочется слышать его, слышать целыми днями, ничего больше не делать – только слушать этот чарующий голос! С трудом сбрасываю одурь и выдавливаю из себя жалкий лепет:

– Разве я хотел тебя увидеть? Кто ты?

– Ты знаешь, кто я. Так чего ты хочешь от меня? О чем собирался просить?

– Я хочу, чтобы мне вернули мою Варю! – выпалил я не думая, и не надеясь на успех.

– Ты должен вернуть ее сам. Иначе зачем мне такой бесполезный адепт?

– Но как?! Как вернуть?! Разве ее можно вернуть, если душа здесь, в Нави?!

– Но ты же ведь в Нави, однако вернешься назад. Почему бы и ей не вернуться? Но прежде ты должен найти тело, которое она займет И поторопись – чем дольше душа без тела, тем меньше шанс, что ты сумеешь ее в него поместить. Ты глуп, наивен, но ты мне нравишься. От тебя идет хороший поток энергии, за последнее тысячелетие ты один из самых эффективных моих адептов. Так не разочаровывай же меня!

– Подожди! Не уходи! – вскричал я, заметив, что фигура начала растворяться в пространстве – Как мне найти тело?! Как найти ее тело?

– Ты полицейский, ты разве не знаешь, как ищут тела?

Фигура окончательно растворилась в пространстве, и я остался стоять один посреди пустой поляны. И меня охватило отчаянье – ну как, как я буду искать?!

И тут на поляне снова возникла фигура – теперь уже женская. Такой же черный плащ, как у Чернобога, такой же капюшон, но я знал – это не он, это женщина. Если только ее можно назвать женщиной.

– Я тебе помогу! – тихий, вкрадчивый, почти шипящий голос. Капюшон откинут, и моим глазам предстает невероятно красивая женщина с зелеными, мерцающими в темноте глазами. Красота этой брюнетки настолько неестественна, настолько совершенна, что не вызывает никаких чувств, кроме одного – страха. Люди такими совершенными не бывают! А тогда кто это?

– В чем? – спросил я, не в силах оторвать взгляда от белого, как снег лица женщины Кто вы?

– Ты знаешь, кто я – усмехнулась женщина – Так что, примешь мою помощь? Но учти – если примешь, назад дороги не будет! И ты отдашь ту цену, которую я скажу. Не бойся, цена будет посильной для тебя. Хотя и не маленькой. Ну? Примешь? Учти – без меня ты душу своей подруги не найдешь и не вернешь. Только я могу распоряжаться душами, попавшими в мои владения! Только с моего разрешения они могут вернуться назад!

– А душу ведьмы, которая вселилась в тело моей подруги – ты вернула? – внезапно спросил я, и замер, ожидая реакции богини Мораны.

– Я – улыбка тронула губы прекрасной богини смерти – Мне служат. Или не служат. Те, кто служит – получают награду. Те кто не служит – ничего не получают. Кроме неприятностей. Итак? Ты служишь мне?

– А могу я узнать цену, которую должен буду заплатить? – осведомился я, и глаза богини вперились в меня, сияя как два фонаря. Мне показалось, что от них даже исходят едва заметные лучи.

– Нет! – отрезала богиня – Или ты даешь согласие служить или не даешь! Если дашь согласие, и откажешься служить – будешь проклят самым страшным проклятием. И я с удовольствием заберу твою душу. И ты будешь обречен на вечные муки, как и все клятвопреступники. Даешь согласие, или нет?

– Даю согласие – потерянно сказал я, тут же понимая, что сделал наверное самую большую ошибку в моей жизни. Фатальную ошибку!

– Хорошо – неожиданно мягко сказала Морана и улыбнулась мне белозубой улыбкой, от чего стала похожа на обычную, невероятно красивую фотомодель. У меня даже немного с души отлегло – может все не так уж и плохо? И через

минуту уже знал – все плохо. Все очень и очень плохо!

– Ты должен убить десять человек – так же безмятежно улыбаясь сказала Морана – Тогда я верну душу твоей подруги в то тело, которое ты укажешь. В любое тело! Но не прежде, чем ты убьешь десять человек. Мне все равно, кого ты убьешь – женщин, детей или стариков. Будешь ли ты бегать ночами и убивать случайных прохожих – мне безразлично. Мне все равно как именно ты их убьешь – голыми руками топором, либо магией. Главное, чтобы в момент смерти жертвы ты сказал, или подумал – «Для тебя, Морана! Прими мою жертву!». И вот еще что – жертвы могут быть убиты и не тобой лично, а кем-то с твоей подачи. Это допускается. Но ты должен быть рядом и сказать то, что я тебе огласила. Понял?

Я был ошеломлен. Десять человек! Десять! Да я никого до сих пор не убивал! Хмм… если не считать того алкаша, конечно… ну того, что едва не зарубил меня топором. И того, что я отдал кикиморе… А те, кого я утопил в озере – разве не я их убил? Черт… да у меня руки по локоть в крови! То-то Морана так уверена была в моем согласии! Потому она и предложила свою помощь. Я ведь уже убийца! А все считаю себя белым и пушистым…

– Прощай, адепт – Морана улыбнулась, и было в этой улыбке что-то от Медузы Горгоны.

– Стой! – опомнился я – А как мне тело найти?! Помоги мне найти ее тело!

– Глупый! – поморщилась Морана – Зачем тебе ее тело? Твой соперник его уже занял, использует во всех видах. Истреплет тело – вселит свою подругу в новое. Зачем тебе потрепанное, истасканное тело? Найди новое, молодое, здоровое! Я расскажу тебе, как выдернуть из него душу, и ты вселишь в это тело свою возлюбленную. Вот и все! Не придумывай всяких глупостей! Иди! Ты не можешь здесь долго оставаться. Уходи!

Морана махнула рукой, я охнул, чувствуя, как меня закрутило завертело, понесло… и…хлоп! Очнулся на койке, в своем старом-престаром бревенчатом доме, построенном старым колдуном на Месте Силы.

– Хозяин! Хозяин! Очнись!

Я медленно сел на край кровати, посмотрел по сторонам мутным взглядом, и обнаружил всех моих помощников, за исключением Банного, который сейчас сидел в бане и трясся, боясь, что его обиталище скоро снесут. Кстати, надо бы его успокоить – построим ему шикарную баню! Лучше чем прежняя! Со всеми удобствами!

– Хозяин, ты где был? – спросил Прошка, глядя мне куда-то в область груди.

– То есть – был? – фыркнул я – На кровати! Где же еще?

– Ты в зеркало на себя посмотри! – предложил непривычно серьезный Минька, второй мой бес.

– Да, посмотри! – поддакнул домовой Охрим – Посмотри, родимый!

Я посмотрел, и едва не охнул. Серп! У меня на груди, слева, выше соска, самый настоящий серп! Красный, как со знамени! Только молота не хватает. И что это за хрень? Откуда?

– Хозяин, ты был в Нави! – безапелляционно заявил Прошка – Я чувствовал, что твоей души нет в теле. Ты летал в Навь! Откуда у тебя на груди серп Мораны? Ты заключил с ней сделку?

– Ну… мне приснилось… сон был такой. Будто я общался с Чернобогом, а потом с Мораной. Она предложила мне заключить сделку – Морана возвращает мне душу Вари, а я за то убиваю десять человек. Ну… типа жертву ей приношу! Ну и приснится же такая херь! Как наяву – лицо Чернобога, лицо Мораны… как с картинки журнала, представляете! Невероятно красивые. Но я где-то их видел, точно.

Молчание. Даже странно – сейчас они должны обсуждать мой сон, хихикать и все такое. Но… молчат с такими лицами, будто я им рассказал о чем-то невероятном.

– Морана и Чернобог показали тебе свои лица? – с непонятной интонацией спросил Прошка – И ты так просто об этом говоришь?! Да у тебя серп Мораны на груди! Или серп Жнеца, как его еще называют!

– Что за серп Мораны? Что-то вы темните, парни. Вы вообще о чем?

– Этим серпом Морана подрезает жизненные нити людей – терпеливо, как недоумку пояснил мне Минька – И раз она тебя пометила знаком Жнеца, значит, ты и есть Жнец, подрезающий эти нити. И это был не сон. Теперь ты должен убить десять человек, иначе она придет за тобой и подрежет твою нить. И ничто тебя не спасет. Сны – вот где опасность. Уснул – и ты в ее власти. Морана – повелительница ночи и снов. Так что готовься, хозяин… ищи жертв!

– А сроки у них оговариваются? – напряженно соображая спросил я – Ну… когда я должен предоставить ей эти жертвы? Что-нибудь знаете по этому поводу?

– Вроде как год – хмыкнул Прошка – С того момента, как ты заключил сделку. Ну я так слышал от хозяина! От старого хозяина.

– Подожди! – ухватился я за мысль – Что, старый хозяин заключал договор с Мораной? Для чего?

– Эээ… ммм… – бесы переглянулись, и замолчали, потупив взгляды, а домовой Охрим криво ухмыльнулся:

– А ты разве не понял, хозяин? А как думаешь старый хозяин вызвал двух этих бездельников из Нави? По десять человек за каждого!

– Врешь, собака! По двадцать! – гордо вскинул голову Прошка – Мы дорого стоим!

– Старый колдун убил ради вас сорок человек?! – охнул я, вытаращив глаза – Знатный душегуб! И кого же он убивал?! Маньяк, что ли?

– Никакой не маньяк! – обиженно бросил Минька – Что, некого убить, что ли? Пойди вечерком в трактир где-нибудь на окраине Москвы, и тут же к тебе гайменники набегут! И тут только не зевай – мочи направо и налево!

– Кто набежит? – не понял я – Какие такие гайменники?

– Убивцев так звали в старые времена – пояснил домовой – Убивцы, это гайменники, красные – это фулюганы всякие, преступники. Это Минька старым жаргоном разговаривает, щас уже забытым.

– Во-во! – Минька торжествующе кивнул – Набегут убийцы, а хозяин их рраз! И покрошит в капусту! Он ведь когда на востоке путешествовал, всяким тамошним искусствам научился, и всегда с собой два меча таскал. Острые, как бритвы! Они там, в кладовой висят на стене в черных ножнах. Короткие – чтобы под кафтан прятать. Ох, и покрошил он супостатов! Ну просто душа радуется!

– И где мне супостатов взять? – уныло спросил я – Трущоб нету, хитровок всяких нету. Войны тоже нету. Да и боюсь, однако – пойдешь на войну, а тебя и самого грохнут! Честных граждан я убивать не собираюсь, что я, маньяк, что ли?! И что делать?

– Ну… годик жить в свое удовольствие – денег у тебя полно, живи – не хочу! – радостно загоготал Прошка – а потом уйти в Навь и прислуживать Моране. Стать ее рабом.

– Как это – рабом? Не хочу рабом! – заволновался я, чувствуя во рту привкус то ли железа, то ли меди. Язык прикусил, что ли?

– А это надо было раньше думать, хозяин! – ехидно заметил Минька – Прежде чем договор с Мораной заключать! Хозяин наш не великого ума! Но деньги зарабатывать умеет! Знатный барыга!

– Глумитесь, сволочи?! – грустно сказал я, и посмотрел на домового – Охрим, один ты мой добрый помощник! Один ты всегда за меня! А эти два проклятых беса только глумиться могут! Может ты что-то посоветуешь?

– И посоветую! – прогудел Охрим, маленький квадратный мужичонка с ручищами больше, чем у гориллы. Он этими широченными ладонями свободно мог раздавить чугунок, или голову супостата, посмевшего без спросу влезть в наш дом.

– И посоветую! – довольно повторил Охрим – Давай для начала скрутим головы двум придуркам, которые помочились на угол дома!

– Каким придуркам? – опешил я, а бесы довольно захихикали:

– Он предлагает двух строителей придушить! Потому что они обмочили угол нашего дома! Хозяин, ну ты себе и советчика нашел! Ой, не могу! – Прошка даже закатился в хохоте – Двух работяг придушить! Ха ха ха… советчик!

– А что такого?! – упорствовал Охрим – Нечего на меня мочиться! Дом – это я! И всякий придурок будет мне на углы гадить?!

– Нет. Строителей мы душить не будем! – решительно заявил я – Лучше давайте-ка подумаем, где взять злодеев? Где их вертепы, где притоны, где подлецы, заслуживающие смерти?

Бесы и домовой внимательно посмотрели на меня, помолчали, и Минька недоверчиво помотал головой:

– Хозяин, как не тебе знать, где взять злодеев! Ты же служил в полиции! Где их искать, как не в тюрьмах? Идешь в острог, и там отсылаешь души к Моране! Чего проще-то?

– И как ты это себе представляешь? – даже рассердился я – Вот я беру, и удавливаю заключенного гарротой?! На-ка тебе Морана хорошенького злодея?!

– Все злодеи по тюрьмам состоят на учете! – прозорливо заметил Охрим – Соображать же надо, болваны! Сериалы смотришь, а ничего в них не понимаешь! Стоит хозяину задушить злодея – и его тут же повяжут! Нужен неучтенный злодей! Нет, я все-таки предлагаю задавить двух каменщиков – их много, никто и не заметит! Ушли в магазин за водкой, и пропали!

– Вопрос закрыт! – грозно прикрикнул я – Не трогай каменщиков! Мы пойдем другим путем…

Вот только каким… сказать-то легко. А потом надо идти… через горы и овраги.

– Эй, хозяин! Хозяин! Есть кто дома? – услышал я крик снизу, от двери, и голос мне показался знакомым. Очень знакомым! Только вот не могу вспомнить – чей это голос. Или не могу поверить?

Вскочил с кровати, надел тапки, пошел смотреть – кто же это там ко мне пожаловал? Строители, что ли…

Но это были не строители. Это был заместитель отделения участковых Кукин Алексей. Мужик хороший, дельный, и мной уважаемый. Вот только какого черта он делает здесь, у меня, после того, как я оставил в отделе и удостоверение, и карточку-заместитель на служебный ствол, и… в общем – все оставил. Два часа только акт сдачи бумаг писал!

Хмм… а может они хотят предъявить мне исчезновение Вари? А что – ушла, и нет ее! А в последний раз Варю видели со мной! И значит – кому предъявлять пропажу? Маньяку, бывшему участковому!

Впрочем – может хотят взять меня за задницу в рамках дела о незаконной предпринимательской деятельности? Я ведь тут колдовством занимаюсь, и деньги за это беру. И что это такое, как не мошенничество? Мда… неприятно! Впрочем, если не спрошу, чего ему надо – так ведь и не узнаю!

Все размышление заняло несколько секунд, пока я спускался навстречу Кукину – промелькнуло в голове, и скрылось в ее глубинах до поры, до времени.

Кукин протянул мне руку (Что уже хороший признак! С преступниками вроде как не ручкаются), и улыбаясь, спросил:

– Гостя примешь? Чаем напоишь?

– Ну… конечно напою! Пойдем, Семеныч! – спохватился я, и пошел наверх, в кухню. Кукин за мной, с любопытством глядя по сторонам.

– Я думал у тебя тут всякие черепа, трава какая-нибудь, кости и всякая всячина! – хохотнул он довольно – Про тебя уже такие байки рассказывают, это просто спятить можно! Ты и баб к мужикам привораживаешь, и наоборот – отвораживаешь, и алкоголиков кодируешь, и чуть ли не на метле летаешь! Что из этого правда?

– Только про метлу – фыркнул я – Я так и зову свой кукурузер – Метла! Как поддашь ему газу – летит, как угорелый! И похрену ему ямы!

– Даа… машина – зверь! – протянул Кукин – Видал, видал… крутая тачка! Год только старый. Где-нибудь девяносто пятый, да? Или чуть помоложе? Вот если бы совсем новый, да подготовить к бездорожью!

– Петрович, ну ты чего? Какие сейчас машины делают? На них нассышь – струей перережет! А раньше делали Автомобили! Им износа нет. Вот потому кукурузер-восьмидесятка ценится больше. Теми, кто понимает, конечно. А для села – самое то. Давай, присаживайся. Бутер будешь? Будешь, будешь… небось и не обедал с этой гребаной работой! Давай, не стесняйся. Слушай, может тебе вискаря плеснуть? Ну так, для аппетиту…

– Только для аппетиту – засмущался Кукин, и виновато признался – ты будешь смеяться, но я ни разу виски не пил! Все водка, да коньяк. А вот чтобы вискаря… как-то денег жалко. Дорогой, собака! Да и не принято у нас – будешь вискарь пить, скажут – выеживается. Вот хоть у тебя попробую. А ты со мной? Давай, а то одному как-то стремно пить, чай мы русские, а русские в одиночку пьют только если горе заливают. Ну, вздрогнули! За встречу!

Мы выпили. Виски обжег мне горло, пролился в пищевод и внутри стало теплеть. Ненадолго, я знаю – алкоголь у меня не держится. Он же яд, а мой организм, поддерживаемый Силой яды уничтожает напрочь. Так что мне пить – это только продукт переводить. Но у себя всякие там виски и шампанские держу – мало ли кто зайдет, надо чем-то угостить. Вот как сейчас, к примеру.

– О черт! Вот как живут деревенские участковые! Икра! – хохотнул Кукин, и впился зубами в бутерброд с черной икрой. С видимым наслаждением прожевал, хлебнул горячего чая из большого фаянсового бокала. Я чайных чашек не держу – не уважаю. По мне только здоровенные пивные бокалы – из них пить чай самое то.

– Да я уже не участковый – пожал я плечами – Все, отслужил!

– Собственно я по этому поводу к тебе и приехал – не переставая жевать и отхлебывать ответил Кукин – Как ты смотришь на то, чтобы поработать еще хотя бы полгода? Ну хотя бы до нового года!

– Это как так? – удивился я – Дела сдал, удостоверение под роспись сдал – небось уже порвали пополам. И каким макаром я буду служить? Да и не хочу я!

Устал закапываться в бумаги, устал слушать эту чушь на совещаниях по улучшению и усилению! Этих долбоособей из УВД – глаза бы мои их не видели, тварей тупорылых! Ну и на кой черт мне это все нужно?

– Вась, мы подберем тебе замену… ну к новому году, например! – в голосе Кукина на удивление прорезались просительные нотки – Вась, ну не будь ты… Тебя приняли, научили, наставляли на пусть истинный. Ты хороший, правильный мужик, дельный участковый – мы тебя ценим! Ну закрой участок! Некому больше! Ездить из района – целая история. Ребята чуть не бунт подняли – говорят, нам и так дел выше крыши, мы еще и кагановский участок будем закрывать! А у тебя тут хорошо получается – как ты здесь обосновался, с этого участка и жалоб почти нет! Все как притихли! Я спрашивал кое-кого, мол, чего это попритихли, а они и говорят – боятся тебя. Мол, колдун этот ваш участковый, закодирует – потом рюмку не опрокинешь, а то и вообще стоять никогда не будет! Хе хе хе… Вот ты их запугал тут, гипнотизер хренов! Не, ну молодец, конечно – я в хорошем смысле. Держать надо народ в ежовых рукавицах, а то разбалуются. Ну, так вот: мы поговорили с Мироновым, и делу ход-то и не дали. И начальник райотдела в курсе, он не против. Возвращайся, а? Мы тебя сильно загружать не будем! А если что-то просрочишь – так и душить не будем! Давай, соблюдай тут порядок, народ к знаменателю приводи – чтобы тихо было и без бесчинств! Нам от тебя больше-то и не надо! И кстати – у тебя ведь уже выслуга, на капитана сразу подадим! Через месяц-два капитаном станешь! И служи себе потихоньку! Ты же все равно никуда не собираешься уезжать – вон какую стройку развернул! И кстати – можешь потихоньку тут свое… хмм… колдовство творить! А то уже поговаривают – мол, чего этот тут за мракобесие развели? Колдун завелся! А когда ты в форме, служишь – тебе и легче будет подрабатывать. Главное – чтобы жалоб не было. Ну а если и будут – мы тебя прикроем! Мы же понимаем – на одну зарплату не проживешь. Кто-то из участковых ларьки держит, кто-то СТО, кто-то… в общем – все выкручиваются. Ну и ты как все! А если ты один, если не из наших – так к тебе и вопросы! Мол, чего это он тут разошелся?

Кукин помолчал, откинулся на спинку стула, сцепил руки на животе, и снова заговорил:

– Мы тебя всегда прикроем, предупредим, если что! Если комиссия какая, если какие-то указания насчет тебя. А так как щас – ты сам по себе, мы сами по себе. Понимаешь? Мы или все вместе, дружим, или ты не наш. А раз не наш… ну ты понимаешь. Ты умный мужик, и мы тебя уважаем. Миронов всегда хорошо про

тебя говорил. Мол вот парень – только пришел, а уже пашет, и результат есть! Не то что некоторые… В общем – удостоверение я тебе верну, карточку-заместитель тоже – выходи ты на службу, а? Главное – чтобы дело делал. Это медвежий угол, сюда никто не хочет ехать! А ты тут как сыр в масле катаешься! Ну потерпи с полгодика-годик, а там видно будет! Может и найдем тебе замену! А мы тебе будем очень благодарны, очень! Всегда поддержим!

Я задумался. И правда – а почему бы и нет? Не шибко я ведь перетруждался! И формой «прикрыт» буду! И кстати сказать – просто-таки в кон пришлось. Мне ведь надо десяток душ Моране, она жа Мара – отправить. И где их искать, кроме как на месте преступления? А что – вызовут меня к какому-нибудь негодяю, заслуживающему смерти – я его и грохну. Да так, что никто и не догадается! Сердце откажет, к примеру. Или удар его хватит. А всякие там морализаторства насчет того, что-де не заслуживает смерти, а его надо судить – для меня ничего не значат. Я уже перешагнул эту черту. И единственное, что меня волнует – это моя безнаказанность. Но опять же – кто заподозрит, что участковый на самом деле колдун-убийца? И в розысках негодяя, похитившего Варю моя служба мне поможет. Я смогу делать официальные запросы, смогу ходить, прикрытый формой и расспрашивать людей. Одно дело, когда ты гражданское лицо – тебя все нахрен посылают. И другое – когда ты в форме. Ну да, все равно могут нахрен послать, такие сейчас времена, но уже с меньшей вероятностью, чем гражданского.

– Ну что скажешь, Вась? Вернешься? – Кукин напряженно ждал, и было видно, что он очень ждет моего ответа. Неужели так припекло?

– Главное, чтобы с позором потом не уволили – хмыкнул я, и Кукин облегченно вздохнул:

– Да ладно! Всем участковым вечно грозят, что отправят их в народное хозяйство! Только почти никого ни хрена не отправляют. Главное, чтобы не зарывался – чтобы по селянам из пистоля на начал палить, либо в голом виде по улицам с девками разъезжать! Да и то – в последнем случае прикроем, кто не без греха?

Кукин ухмыльнулся, и я вспомнил историю про участкового Шишкина, которую мне рассказал старший участковый, майор Морозов. Шишкин как-то набухался, и как был, голый и пьяный в умат поехал в магазин на желтом служебном мотоцикле «урал» с коляской. У магазина слетел в кювет и там валялся в

натуральном виде, пока за ним не приехали из райотдела. Лето было, солнце, тепло, так что он и не простыл. И ведь не уволили! Придумали какую-то ересь, что это и не он был, а похожий на него человек – брат Шишкина, который приехал в гости и угнал его моцик. За что Шишкину вынесли выговор – без занесения, за утерю контроля над служебным транспортом. Смешнее всего была именно мотивировка – неизвестно, кто ее придумал, но ржали все – Шишкин-то и правда утерял контроль над транспортным средством. Иначе почему он сверзился в канаву? Пришлось ему потом восстанавливать мотоцикл за свой счет – вилку погнул, диск, и головку цилиндра покоцал о камни, когда падал. Так что Кукин здесь совершенно не привирал.

– Хорошо, согласен! – после раздумья сказал я – Но только сильно не наезжайте, ладно? Буду скрестись здесь сколько смогу, а вы насколько можно меня прикройте.

– Вот и отлично! – просиял Кукин, и сунув руку в нагрудный карман, выдернул оттуда удостоверение. Мое удостоверение – Держи! И уазик твой вернем! Он в гараже стоит, я велел его не трогать. Чего ты свою тачку будешь по работе бить? И карточку-заместитель держи! Вот! Кстати – как знал, пару бумаг с собой захватил. Распишись!

Уже уходя, Кукин приблизился почти вплотную и взяв меня за пуговицу, сказал:

– Вась… это… ты правда можешь колдовать? Ну типа как экстрасенс, да? Не можешь мою Анютку… ну жена моя! Не можешь снадобье какое-нибудь дать, чтобы похудела? Тридцать пять лет бабе – а распоролась, как бегемот! Она уколы гормональные делала, по здоровью проблемы были, вот после них, да после родов ее и разнесло. Она переживает – я ее не хочу, а как я могу ее хотеть, такую тушу? В ней килограмм сто двадцать, не меньше! И это при росте в сто шестьдесят пять! А она сама не может остановиться – жрет и жрет, жрет и жрет… говорит – это ее успокаивает. В общем… такие вот дела.

– Я тебе сделаю снадобье, но ты должен принести мне ее волос и лучше – еще каплю крови. Подольешь ей – она и знать не будет, а жрать всякую гадость прекратит. Точно похудеет.

– Ох ты ж! Спасибо, Вась! Обязательно принесу! Я твой должник! И да – на звание Миронов представление сегодня же сделает! Спасибо тебе, выручил! Ох,

и стройка у тебя здесь! Дорого встало? Ладно, ладно – не говори. Сколько бы не встало – все твои! Пока, Вась!

Кукин уехал на своем «Патриоте», а я остался стоять у калитки, слегка ошеломленный этой вот переменой. Только недавно я навсегда распрощался с ментовской жизнью, и на вот тебе – я снова на службе! Вот как так? Мда…«судьба играет человеком, а человек играет на трубе». Впрочем – грех жаловаться. Вовремя Кукин подскочил, чего уж греха таить.

– Василий! – я обернулся, и увидел женщину лет сорока пяти-пятидесяти, худощавую, и… ужасно похожую на Варю. Такой станет Варя, когда ей исполнится пятьдесят. Хмм… стала бы. У меня даже сердце защемило. Вот же черт! Сейчас мне придется что-то говорить…

– Да, слушаю вас, Ольга Федоровна!

– Да…Варя давно не приходила, я беспокоюсь – сердце не на месте, переживаю. Вот, пришла узнать – как она, и что. Варя дома?

– Вари нет… – сказал я бесстрастно, кусая губу – Она… она ушла от меня. Сказала, что я ей надоел, и ушла.

– Куда ушла?! – женщина широко раскрыла глаза.

– Не знаю. Сказала, что уходит, и все – пожал я плечами – Мы с ней слегка поспорили, она сказала, что ей такой мужик не нужен, она лучше нашла, и… ушла. Вот, собственно и все. Простите, я пойду… тороплюсь!

Я повернулся, и стараясь не сорваться на бег пошел в дом. Мне хотелось просто провалиться сквозь землю. Не люблю так откровенно врать. Но что я бы ей сказал? Что ее дочь похитил злобный колдун? Что он вселил в тело Вари свою помощницу-ведьму? И сейчас они где-то там кувыркаются в постели?

По большому счету суть была той же – Варя от меня ушла, и направилась к другому мужику. Так что я почти и не соврал. Почти…

Я посмотрел в окно – женщина уходила по дороге, спина ее была сгорблена, плечи опущены. Она будто несла на себе огромную тяжесть. Ну черт подери… как же так! В любом случае – без помощи я семью Вари не оставлю, это уж без всякого сомнения. Но пока у них деньги есть (я Варе дал на ребенка), а до тех пор, как они закончатся – я Варю может быть и найду. Да не может быть – а найду! Как это я могу не найти?! Только вот с чего начать… надо крепко подумать. Очень крепко!

Нашел свою ментовскую форму – я ее забросил в шкаф, хотел в ней работать во дворе. Ну не пропадать же тряпкам? Поставил гладильную доску, достал утюг и начал гладить брюки, раздумывая о своем, наболевшем.

– Хозяин! – раздался густой бас Охрима – Хозяин, давай я тебе помогу! Поглажу!

– Погладишь? А не спалишь? – рассеянно спросил я, и опомнился – как это домовой будет гладить? Где это он научился орудовать утюгом?

– Не спалю! – прогудел Охрим, одной рукой, как пушинку поднял за ножку стул и поставил его вплотную к гладильной доске. Охрим был невероятно, нечеловечески силен. Я не делал испытаний его силы (Картину помню – «Испытание силы Яна Усмаря» – эпичная картина!), но сдается, что он может завязывать в узел гвозди и легко ломать подковы. А еще он может ломать шеи супостатам, покушающимся на сокровища хозяина.

Охрим взял мои штаны, расправил их на доске, и… рраз! Провел по штанине своей огромной ладонью. Два! И провел рукой по другой штанине. Я присмотрелся – черт подери, да об эти стрелки обрезаться можно! И штаны – будто вышли из-под утюга мастера-швеи!

– Силен! – восхищенно констатировал я – Да ты настоящий колдун!

– Ну уж… настоящий! – засмущался довольный Охрим – Но кое-чего умеем! Хозяин завсегда моими услугами пользовалси! Так и говорил – ты, Охрим, самый луччий мастер!

– Ты чего это простонародно заговорил? – хмыкнул я – Знаю ведь, ты можешь толковать почище университетского профессора.

– Забываюсь, хозяин… никак не могу привыкнуть, что я вышел из спячки и теперь у меня новый хозяин. Все по старинке пытаюсь… Давай другое чонить… я поглажу!

Через пятнадцать минут я уже был одет в безупречно отглаженную чистую форму. Безупречно чистую! И тут, кстати, без чудес не обошлось. Я как-то ел шаверму, и сок из этой дьявольской придумки капнул мне на рубашку. И был этот сок настолько въедливым, что никакая стирка не могла убрать пятно! А тут…Охрим поглядел на пятно, ухмыльнулся, приложил рубашку к губам, и… сделал так: ВССС! В общем – каким-то образом всосал он это пятно, да так, что и следа не осталось. А потом прошелся по всему моему комплекту одежды, уничтожая все пятна, все пылинки. Вот и сделался я чистым, аки горлица.

Кстати – объяснить, как он так делает Охрим не смог. Только пожимал плечами, ухмылялся и бормотал что-то вроде: «Ну вота… вот так вота! Не знаю, хозяин! Умею, да и все тут!». Я от него и отстал.

Но да ладно. Все это вторично и даже третично. И четвертично. Делать-то что я буду? Куда бежать, кого тащить?

– Парни, ну-ка, появитесь! – потребовал я, и два «беса» тут же проявили себя, сидючи на краю стола и помахивая ногами в блестящих лаковых сапогах. Выглядели они сейчас очень колоритно – лаковые сапоги, картузы, рубашки-косоворотки и шаровары – эдакая помесь запорожских казаков и крастьян Ярославской губернии. Впрочем – а может в Ярославской тоже носили такие шаровары?

– Это что за такой экзотичный вид? – с интересом осведомился я – К чему такой парад?

Бесы, они же «энергетические сущности», они же «неприкаянные души», могли принимать любой облик, какой захотят. Начиная с голубого единорога Хэппи, парящего на своих крылышках, и заканчивая вождем мирового пролетариата, мирно теперь лежащим в своей гранитной усыпальнице. И в каком облике они обнаружатся в очередной раз – это только им, шалунам, известно. Насмотрятся сериалов по телеку, и давай копировать фейковый облик героев этих говносериалов. Почему фейковый? Да потому что все эти так называемые консультанты исторических (да любых!) фильмов имеют весьма отдаленное

представление о том, как должны выглядет и вести себя герои той, или иной эпохи, той, или иной профессии. У меня вообще сложилось впечатление, что на роль консультантов киноэпопей выбирают особо идиотичных персонажей, настоящих фриков, которые не только не знают предмета консультирования, но и просто страдают прогрессирующей умственной отсталостью. Например, это очень хорошо видно в фильме «Викинг», который является образцом того, как нельзя снимать исторические, и не исторические фильмы. Он сплошной фейк! Самого низшего пошиба. Один только факт того, что корабли ромеев каким-то образом перебрались через Днепровские пороги вызывает гомерический хохот у любого нормального человека. А то, как князь насилует девку не снимая штанов, на которых не предусмотрено никакого гульфика, заставляет усомниться (да что там усомниться – точно, идиот!) в душевном здоровье и режиссера, и сценариста этой говноподелки.

– Вот что, убогие – начал я сурово – Ну-ка расскажите мне, почему вы не можете найти тело Вари? У меня есть ее волоски, в кровати приблудились. И почему не можете найти ее по этим волоскам?! Колитесь, быстро!

Бесы уставились на меня пристальными взглядами, затем переглянулись, и первым начал говорить Прошка:

– Хозяин… каждое тело связано со своей душой. Когда душу из тела выдрали – связь разорвалась. Волоски, которые остались у тебя частично тоже были связаны с душой, ибо волоски тоже часть тела. В этом теле теперь другая душа. Значит, волоски не укажут на это тело. Это же очевидно!

– Хмм… – я задумался – Значит для того, чтобы найти тело Вари, в котором теперь сидит ведьма, мне нужно найти волоски или кровь тела Вари уже после того, как в нее вселилась ведьма? Но это же равносильно тому, чтобы просто найти тело! Нет, парни, давайте искать другой способ! Какие будут предложения?

Бесы снова переглянулись, и теперь ответил Минька:

– Хозяин… это ты должен делать предложения. А мы исполняем. Думай, хозяин! А если что – мы подскажем. Тем более что это ты полицейский, небось знаешь, как людей-то ищут!

– Ехать надо – туда, где все случилось – пробормотал я, и вздохнул – тут ничего не высидишь. Ехать! Надо ехать! Но прежде исполнить эти две чертовых бумаги. Стоп! Парни, ну-ка, еще раз… значит, каждый кусочек тела связан не только с телом, но и с душой? А если я найду тело убитой ведьмы, оно будет связано с ее душой?

– Будет – кивнул Прошка – Соображаешь, хозяин!

– Еще раз: если я найду кусочек плоти ведьмы, ее волос, или каплю ее крови – вы сможете по ним найти душу ведьмы, а значит – и ее нынешнее тело?

– Да – коротко ответил Минька, и подмигнул Прошке.

– Сволочи вы! – посетовал я – Вы же ведь уже знали, что нужно делать! Почему мне не сказали?!

– Хозяин… ты что, всю жизнь будет слушаться наших советов? – хмыкнул Прошка – А сам головой думать не будешь? У тебя в голове дневники старого хозяина. Там есть упоминание о том, как душа связана с телом, есть и раздел о поиске. Почему ты не воспользовался этими сведениями?

Ну что ответить? Ну вот не воспользовался, и все тут! Тупо не воспользовался!

Ладно, посмотрим бумаги из РОВД…что там у нас… хмм… одна – запрос на проверку душевнобольного в Кирилловке… вторая… опа! Что за хрень? Жалоба на Самохина! Опять жалоба! Да сколько же можно! Вот только недавно я разбирался с жалобой на него (после чего и познакомился с Варей), и снова-здорова!

«Этот Самохин запугал нашу семью не дает нам спакойна жидь! Он не платет зарплату украл всю мою зарплату сказал что я воровал и патаму не отдает! А ищо он ударил миня в глаз отчего у меня развилося канъюктивит и упало зрение. Прашу привлечь этово Самохина к уголовной атветственности и посадить на десять лет!

Силифонов Петр Михалович, проживаю…»

К заявлению прилагался акт осмотра и заключение врача из травмпункта, где описывалась гематома под глазом. И где пояснялось, что свой бланш господин Силифонов получил на рабочем месте.

Ну что же… взялся за гуж, не говори что не дюж! Прежде чем поехать на поиски Вариного тела, нужно заняться Самохиным. Странное ощущение… почему-то после того, как я вернулся к своей прежней службе мне стало как-то спокойнее. Вот гнездится у меня внутри такое эдакое чувство, что с колдунством моим дело временное, и вообще – такого быть не может, потому что не может быть никогда! А ментовская служба – это как старую перчатку на руку надел. Все привычно, все знакомо…

Беру свою кожзаменителевую папку, в которой таскал заявления граждан, и выхожу на улицу, в июньскую жару. Печет – не по детски! Дома-то у меня прохладно, я заклинанием сделал так, чтобы всегда была прохлада. И кондиционера не надо – двадцать градусов, да и все тут. Но на улице… ужас какой-то! Солнце врезало по темечку, как корявой штакетиной. И сразу же покрылся потом. А уж в салоне какой горячий воздух – ой-ей!

Завел кукурузер, но садиться в салон не спешу. Пусть нагонит прохладного воздуха из кандюка, иначе задохнешься к чертовой матери. Надо хоть дома оставлять машину с приспущенными окнами – чтобы так не нагревалась.

– Привет, Василий! – слышу я мужской голос, поворачиваюсь… прораб. Козырев Виктор. Вполне приличный мужик, хоть и строитель. Нет, я ничего не имею против строителей, но в моей жизни как-то так пришлось, что как ни строитель – так жулье. Или надуть клиента пытаются, или обворовать – продать стройматериалы, закупить что-то совсем бросовое и выдать за хорошее. Экорномят на всем, чтобы денег осталось побольше, понимаю – все же люди. Но вот только не нравится мне это. Не зря наши все чаще приглашают на серьезные работы всяких там турок – они делают качественно и не воруют. Правда и денег за услуги берут неслабо, но тут уж так.

– Привет, Виктор – кивнул я, и настороженно спросил – Все в порядке? Или какие-то проблемы? Денег хватает? Работа идет?

– Да все в порядке – как-то смутился прораб – И денег хватает. Ребята довольны, пашут как трактора. Тут такое дело… мы под березой копали, и кое-что

выкопали. Пойдем, посмотришь? Ну и скажешь – что нам делать. Тем более, что ты полицейский. А то мы и не знаем, как в таких случаях поступать.

Я уже знал, куда и зачем он меня ведет, потому не удивился, увидев пожелтевшие от времени кости и крупный, с хорошими зубами череп. Так вот ты какой…Автандил Тимофеич Кокорин, колдун, с которого все и началось. Рабочие стояли перед выкопанной ямой, на краю которой были разложены кости, и смотрели на них со странно угрюмыми лицами.

– Вот так и мы когда-нибудь! – вдруг сказал мужик с морщинистым, сильно загорелым лицом – Живешь, живешь, а потом бах! И в земле. И всякий придурок твой череп ногой пинает.

– Да не пинал я! – фыркнул молодой парнишка лет восемнадцати, не больше – Потрогал только! Сказал, что прикольная вещь, на комод поставить! И чо такого?

– А вот помрет твой папаша, кто-нить его выкопает, и начнет ногой пихать! Тебе понравится? – не отставал морщинистый.

– Ну что пристал, Семеныч! – парнишка совсем стушевался, покраснел – да я так просто ляпнул!

– Иэхxx… молодежь! Никакого у вас почтения к смерти! – вздохнул тот, кого назвали Семенычем – Ничего, поживете с мое тоже начнете задумываться и о жизни, и о смерти. О! Товарищ старший лейтенант, что нам делать? Теперь затаскают, что ли? Все-таки мертвец!

– Никто вас не затаскает – после короткого раздумья ответил я – Соберите все кости, сложите в мешок. Я потом перезахороню, когда все будет закончено. Это бывший хозяин дома. Его после революции то ли убили, то ли сам умер. В общем – никакого интереса для полиции кости не представляют.

– Колдун! – раздался голос позади меня – Это колдун был, мужики! Вот его и убили!

– А что, правда колдун? – прищурил глаз парнишка, которого костерил Семеныч – Типа экстрасенс?

– Колдун – кивнул я – И тот, кто неуважительно отнесся к его останкам, получит полный нестояк! А еще – хромоту той ноги, которой он пинал кости! Чувствуешь, как у тебя нога болит? Чувствуешь?

Парень охнул, схватился за ногу (я попросил Прошку посодействовать), и со страхом посмотрел на меня:

– Правда заболела! О черт! И что делать?

– Собери кости, все, до единой, да со всем уважением. Снесешь вон туда, в дровяник под домом. А потом попросишь у колдуна прощения, все и пройдет – выдал я врачебное заключение, повернулся и пошел к машине. Нет, ну а как еще прививать уважение к покойным этому поколению ЕГЭ?!

В салоне кукурузера уже прохладно, только нагретая на солнце кожа сиденья говорила о том, что минут десять назад здесь было пекло. Не понимаю, как люди, имеющие кондиционер в машине терпят и не включают его? Типа – «от него болеют!». Жизнь вообще такая штука… от нее умирают! Так теперь что, не жить, что ли?

Доехал до дома Самохина, глянул в приоткрытые ворота – на месте! Джип его на месте. У него такой же как у меня кукурузер, так же «украшен» лебедками и стальным обвесом, только цвет совсем другой. А так – и год, и комплектация совпадают – тот же самый ТЛС-80 с неубиваемым бензиновым движком 4.5 литра объемом, жрущий по трассе 25 литров девяносто второго. В общем – не для бедных людей такой джип. Самохин можно сказать богат – магазины по всей области и в Москве, крепкое хозяйство здесь, с голоду, в общем, не умирает, это точно. Ну и я тоже не промах – несколько миллионов долларов на моем счету – не хухры-мухры. Десять лимонов зеленых я снял с олигарха за избавление его жены от смертельной болезни. Ну и моя заклятая подруга Анастасия Павловна три лимона зеленых мне подкинула. Именно заклятая – потому что после того, как она пыталась меня убить, я заклял ее со всей силой своей пролетарской ярости. Вбил ей в голову посыл о том, что меня не то что нельзя трогать – даже думать о том, чтобы причинить мне вред – есть очень болезненное и вредное для здоровья занятие. Вот она теперь только и думает о том, как бы мне не

навредить. Ну… может и не думает, но точно не навредит. Гарантия! Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы (народный эпос).

В общем – я никак не могу называться бедняком, и поездки на здоровенном прожорливом джипе мне по карману. И даже задумался – а нужен ли мне служебный ломучий уазик? Может – ну его к черту? А с другой стороны – если положен, так почему бы не взять? Просто из принципа! Чтоб другим не достался!

Самохина у джипа не было, и по времени – он скорее всего обедает. Потому я оставил машину у ворот и пошел в дом, благо что двери здесь практически не запирались. Услышал голос Самохина где-то на втором этаже (видимо он разговаривал по телефону), и вдруг замер – настолько мне что-то не понравилось в этом самом голосе.

– Вы даете гарантию, что она будет жива… Что?! Я должен получить гарантию! Слышите! Мне нужна гарантия!

Разговор прервался, а я потихоньку вышел на улицу, чтобы не получилось так, что меня «застали на горяченьком». Скажет еще, что подслушивал… нехорошо получится. А тут что-то не то происходит…

Я снова шагнул к двери дома, и тут мне навстречу выскочил Самохин – глаза по плошке, красный, губы подергиваются, а глаза… господи, да он плачет! Он плачет!

И тут у меня все стало на свои места. Я ПОНЯЛ.

– Привет, Владимирыч! – поприветствовал я фермера, ставшего за эти дни, что я жил в деревне, если и не другом, то хорошим приятелем – точно. И я уверен, что в ближайшем будущем мы бы стали с ним друзьями – если только такое понятие как дружба в наше время применимо к взрослым, видавшим виды людям. Дружба, это когда отдашь другу все, что у тебя есть, когда не задумываясь встанешь плечо к плечу с другом против целой толпы – это только в детстве. А взрослые… это лишь приятели. Большие или меньшие – но приятели.

– Привет, Вася! – хрипло ответил Самохин обводя вокруг туманным, каким-то безумным взглядом – Вась, прости, сейчас не до тебя! Мне нужно уехать!

– Стой! – схватил я Самохина за плечо, и в очередной раз удивился – насколько тот был могуч. Плечи как чугунные – даром что ему шестьдесят с лишним лет. Порвет как грелку!

Самохин дернул плечом, и я чуть не отлетел в сторону. И это при моих 185 сантиметром роста и 80 килограммов веса! А он ниже меня на полголовы! Ну бык, ей-ей бык!

– Владимирыч, да стой ты! Может я тебе помогу!

– В чем? В чем ты поможешь? – лицо Самохина затвердело, скулы резко обозначились на лице, превратившемся в череп, обтянутый кожей. Только глаза жили – красные, влажные… отчаянные.

– Настя? – выстрелил я наугад, и Самохин отшатнулся назад, будто я его ударил. И тут же спросил холодно, и едва ли не с ненавистью:

– Откуда?! Откуда ты знаешь?!

– Да успокойся ты! Разговор твой сейчас подслушал – случайно. Совсем случайно! Владимирыч, давай, рассказывай, я тебе помогу, чем могу! – затараторил я, боясь, что он сейчас меня отшвырнет и уйдет, уедет. И я тогда в самом деле ничем не смогу помочь.

– Настю украли – выдохнул Самохин, оглядываясь по сторонам – Выкуп требуют. Пять лимонов. Сейчас поеду в банк, буду решать, как снять деньги. Деньги-то у меня есть, но… боюсь, что это не поможет. Не отпустят они ее. Вот чую – не отпустят!

И тут же спохватился:

– Я тебе ничего не говорил! Они вообще сказали, чтобы ментов не было, иначе убьют ее!

– Они? Или он? Сколько их? Откуда знаете, что это они? Как вы должны перевести деньги? Или передать наличными? Пять миллионов рублей – это большой вес!

Самохин внимательно посмотрел на меня, и я понял, ахнул:

– Что?! Долларов?! Да ни хрена себе! Вы сейчас такую сумму даже не снимете! Банк не пропустит! Особенно наличными! Да и переводом – застопорят транзакцию! Вы же знаете, какая сейчас обстановка, террористы всякие по миру – передвижения крупных сумм отслеживают.

– Я знаю. Мне придется сильно постараться. Потеряю часть денег, но…

– Стой! – снова схватился я за руку Самохина – Подожди! Десять минут погоды не сделают! Пойдем, расскажешь мне, как и что. Клянусь – я имею возможность тебе помочь! Да идем же, черт подери! Ну что ты стоишь?!

Самохин вздохнул, глянул на меня, повернулся, и пошел в дом. Я следом за ним. Поднялись на второй этаж, прошли в его кабинет, Самохин сел за письменный стол, я напротив.

– Владимирыч, рассказывай – приказал я так жестко, как никогда не разговаривал с Самохиным. Я вообще его всегда называл на «вы», и только в последние дни по согласованию с ним стал «тыкать». Но он не заметил моей резкости, воспринял это как должное. Ему точно было не до политесов.

– Дочка позвонила. Рыдает. Настя должна была вернуться из музыкальной школы, и не вернулась. А следом позвонили. Сказали, что Настя у них, и что пускай дед, то есть я, готовит деньги. Иначе… иначе мы получим Настю по частям.

Самохин задохнулся, говоря это, голос его сразу сел. Он замолчал и с минуту собирался с силами, потом продолжил:

– Позвонили мне, сказали, что я должен приготовил пять лямов до завтрашнего вечера. Если завтра денег не будет – Настю разрежут на куски и подбросят, чтобы я нашел.

– Как должен передать деньги?

– Оставить в машине. В моем джипе. Оставить ключи в замке зажигания и деньги. Они заберут джип с деньгами, и тогда выпустят Настю. Но только после того, как уедут. Если я обращусь в полицию, если они заметят слежку – начнут резать Настю. Вот, в общем-то, и все.

– В полицию? ФСБ? У тебя же есть знакомые там! К деньгам маячок!

– Они четко сказали – никакой полиции. И я чувствую – эти твари работают профессионально. Могут и маячок отследить. А тогда… я не знаю, что тогда. Я не могу рисковать внучкой!

Я сидел, соображал, и думал, как мне все преподнести Самохину. Так, чтобы он поверил и не дергался.

– Владимирыч, у тебя есть верные люди? Такие, которые не боятся запачкать руки, такие, кому ты веришь?

Самохин посмотрел на меня удивленно, пожал плечами:

– Ну… есть пара ребят. Бывшие афганцы. И рук они запачкать не боятся – они у них и так… запачканы по самое не хочу. Что предлагаешь?

– Я предлагаю найти Настю – медленно и веско сказал я – И освободить ее.

– Как?! Как, черт подери?! – зарычал, застонал Самохин – Ну что ты можешь, Вася! Мне и без тебя тошно, а ты… глупости какие-то говоришь! Ну что ты можешь, участковый!

– Я много чего могу – жестко сказал я – Больше, чем ты думаешь. Я найду Настю, гарантирую. Еще сегодня до ночи ты будешь знать, где она находится, и… жива ли она. Но у меня есть одно условие.

– Какое? – Самохин поднял на меня взгляд, недоверчивый, напряженный – Деньги? Тебе нужны деньги?

– С ума сошел?! Какие деньги?! – скривился я – Условие только одно: все похитители должны умереть. И умереть от моей руки. Я их убью. Не ты, не кто-

либо другой – я!

Самохин посмотрел на меня, недоверчиво помотал головой, будто не веря в то, что сейчас услышал. И правда – то, что я сказал было… хмм… потрясающим! Вдвойне потрясающим! И он смотрел на меня так, будто увидел впервые. С этой секунды я из участкового Васи Каганова стал для него… непонятно кем. Это все равно как если бы сидела перед тобой добрая такая, пухленькая бабушка, и вдруг… она стала покрываться шерстью, у нее прорезались клыки, и вот – перед тобой сидит смертельно опасный волколак! И как теперь на это чудо реагировать?

– Ну, так что, поверишь мне? Позволишь тебе помочь?

– Да… – тяжело посмотрел на меня Самохин – Но если ты меня обманываешь, если ты просто треплешь языком и я просто потеряю время, и Настенька пострадает из-за этого…Вася, я тебя просто убью. Своими руками убью! Понял?

– Понял! – кивнул я, и скомандовал – Хватит сидеть и нюни распускать! Сейчас едем ко мне домой! Я кое-что с собой беру, оставляю мою машину, и мы летим в Москву, туда, где живет Настя. Зачем – я тебе скажу на месте. Давай, поехали! Время дорого! Нам ведь еще тащиться до Москвы!

Глава 2

Запершись предварительно изнутри (вдруг Самохин решит зайти в кухню?), я открыл тайную комнату (она же лаборатория, она же сокровищница), собрал в сумку спиртовку, колбы, нужные ингредиенты, тщательно обернув все кусочками ткани. Запер проход в лабораторию и пошел одеваться. Полицейскую форму аккуратно разложил на стуле, чтобы не помять, надел обычные джинсы и клетчатую рубашку «а-ля реднек». На ноги – кроссовки. Все, я готов.

Самохин ждал в машине, не заглушив движок, так что в машине было хорошо, прохладно. Я аккуратно положил сумку на заднее сиденье – Самохин покосился, когда в ней что-то брякнуло (да ступка и пестик, что еще-то?), но ничего не сказал. Он как раз говорил по телефону.

– Я выезжаю… да… да…Витьке позвони. Нет, думаю троих будет вполне достаточно. Да… нет… ничего из крупняка не надо. Да, хватит. Все! Не теряем время. Как буду подъезжать – позвоню.

– Готов! – сообщил я, глядя через лобовое стекло на то, как автокран аккуратно сгружает пачки красного облицовочного кирпича – Можно ехать.

Самохин покосился на меня, положил телефон между сиденьями и передвинул рукоять коробки передач в положение «Драйв». «Кукурузер» мягко двинулся вперед, чтобы рыкнуть, засопеть воздухозаборником и рвануться вперед с энергией атакующего льва. Через несколько секунд, поднимая дорожную пыль он выкатился на условно-асфальтированную дорогу, а с нее – на отвратительный грейдер, ведущий по направлению к районному центру. Уже оттуда начнется приличная дорога на Тверь, а от Твери – на Москву. Самохин не щадил машину – гнал, как на гонках «Париж-Дакар», не обращая внимание на кочки, на впечатанные в дорожное покрытие булыжники и рытвины, выбитые в распутицу большими грузовиками.

– Игорь Владимирович, ты бы сбавил слегонца! – попросил я, оттянув и подергав ремень безопасности, прижавший меня к спинке сиденья – Если сейчас порвешь покрышку, это займет гораздо больше времени, чем если бы чуть-чуть снизил скорость и как следует выбирал дорогу. Я тебе клянусь – все будет хорошо. Успеем. Они ничего не сделают Насте до тех пор, пока ты не передашь им деньги. Потому что ты можешь потребовать разговора с внучкой и без разговора не отдашь. Так что не дергайся, все будет!

– Колись – как будет? Что ты можешь сделать? – скосил глаза Самохин – Я хочу знать!

– Если я тебе скажу, ты не поверишь и зарубишь всю идею – подумав, ответил я – Но скажу тебе только одно: я жизнью своей клянусь, что могу найти Настю. Единственное, что мне нужно – это ее волос. Ты можешь найти ее волос?

– Хмм… – Самохин задумался, помотал головой – Могу, наверное… дома у нее! В кровати, или на расческе. Или на куртке. Могу! И? Что ты сделаешь?

– Найдешь ее волос, я найду Настю. Вдаваться в подробности не буду. Ты или веришь, или не веришь. Но у тебя только один реальный путь освобождения

внучки – поверить мне. Ты человек опытный, знающий, так что скажи: Настеньке десять лет, так? Она умненькая девочка, так?

– Ну да… очень умненькая! И музыкой занимается! И рисует хорошо! – кивнул Самохин, и тут же помрачнел – Да, я понял. Они ее не отпустят. Если видела их лица. А она видела, уверен.

– А еще, возможно, это кто-то из знакомых – задумчиво протянул я, и Самохин еще больше нахмурился. Похоже, что эта мысль не оставляла его с самого начала.

– Ладно, Владимирыч, не переживай. Все будет хорошо! Только помни то, что мне обещал.

Самохин оторвал взгляд от дороги, глянул на меня, глаза его прищурились. Помолчал и через минуту сказал каким-то странным, безэмоциональным голосом:

– А я не верил. Мне говорили, а я не верил.

– Во что не верил? – спросил я, закрывая глаза, готовясь слегка подремать в дороге.

– В то, что ты… хмм… колдуешь! Или как это назвать? Экстрасенс?

– Колдун я, Владимирыч – ответил я, не открывая глаз – черный колдун.

– Черный? – недоуменно спросил Самохин, обходя еле ползущую фуру с дагестанскими номерами – То есть плохой? Ну… в смысле творящий зло? И какое же зло ты творишь?

– Дай определение – что такое «зло»? Как ты это понимаешь? – усмехнулся я, открывая глаза.

– Ну как это… зло – это зло! – хмыкнул Самохин – Ну как еще сказать-то?

– Скажи, Владимирыч… вот я закодировал человека от пьянства – это добро?

– Конечно, добро! Он же теперь не бухает, работает, жена, семья рада!

– Но я ведь сделал это помимо его воли. Я изменил его душу, надломил ее. Разве это добро? Я лишил его выбора! Может он хотел вот так – бухать, не просыхать целыми днями! Понимаешь?

– То есть ты хочешь сказать, что абсолютного зла, как абсолютного добра не существует? А как же тогда фашисты? Концлагеря?

– Поймал. Это абсолютное зло, да. Но мы ведь говорили не о фашистах. Мы говорили о том, кого считать черным колдуном, а кого нет. Творит он зло, или нет. Так вот – я творю зло – но только с точки зрения того, кому я это зло причиняю. Например – я обязательно убью похитителей твоей внучки. Я найду ее, даже не сомневаюсь. И ты не сомневайся. Успокойся и не разбей нас о фуру, иначе точно будет беда. Ну, так вот: с точки зрения похитителей – разве я делаю добро?

– Слышал уже такое, ага – скривился Самохин – Что с точки зрения коровы мы мерзкие твари, пожирающие разумных существ.

– А разве не так? – усмехнулся я – просто не хотим этого признать. Мы ужасные, злобные, подлые и кровожадные существа! Которые только и делают, что убивают друга друга и строят ближнему всяческие козни. Что, скажешь не так? Не натерпелся за свою жизнь? И вот сейчас – для чего мы едем? То-то же… Понимаешь, какая штука, Владимирыч… у зла и добра всегда две стороны. И это фактически одно целое. Свет и тень – всегда вместе. Ну а что касается белых и черных колдунов… да кто их может разделить? Это чисто условное деление. Кому-то нравится лечить – он становится белым колдуном, или белой ведьмой, как баба Нюра. Кстати, она ведь на самом деле колдует, так что зря ты считал это все мракобесием. Так вот – баба Нюра лечит, и получает свою силу от белого божества. А та же Хромкова Нина Петровна – эта порчу напускает, да привороты делает. Черное колдовство. И силу получает от черного божества. Но на самом деле они получают силу от одного и того же божества, только имеющего две стороны, два лица!

Я замолчал, молчал и Самохин, будто бы занятый дорогой. И молчал он минут пять, я даже стал потихоньку засыпать, когда Самохин снова активизировался:

– Я слушал тебя, и думал – то ли он спятил, то ли я спятил! Божества! Сила! Ну как, как это может быть?! Понимаешь? Мир рушится! Такой простой и понятный мир! Ломоносов – знаю! Эйнштейн – знаю! Ландау – тоже знаю. Черных колдунов – не знаю! Белых ведьм – не знаю! Это антинаучно! Это неправильно!

– А тебе не накласть, кто твою внучку вытащит из беды? – сонно ответил я, поудобнее укладывая голову на подголовник – Эйнштейн ему нравится… а черные колдуны – нет! Плевал я на Эйнштейна… я знаю то, что я знаю.

Часа два мы молчали. Вернее так – молчал Самохин, а я спал. Намотался в эти дни, нанервничался… постоянно тянет спать. Ну как накрывает. Проснулся я когда мы уже въезжали в Москву и ехали по МКАД. Разбудил Самохин, вернее звонок его телефона. Он схватил смартфон, двинул пальцем и замер, слушая, что ему говорят. Затем мрачно сказал:

– Не плачь. Слышишь, не плачь! Я уже подъезжаю. Мои люди уже подъехали? Ага, хорошо. Пусть сидят и ждут.

Я посмотрел на Самохина, он не глядя положил смартфон на место и вполголоса сказал:

– Дочь рыдает. Вот же мрази, а?!

– Кто-то из знакомых навел – задумчиво сказал я, глядя в зад бензовозу, который тащился впереди – Телефон ваш откуда знают?

– Да его много кто знает – вздохнул Самохин – Я же не олигарх с двадцатью миллиардами долларов в загашнике, телефонные номера свои не прячу. Я колхозник, торгую своей продукцией, коммерцией занимаюсь. Звезд с неба не хватаю, хотя деньги у меня есть. Не такие уж и больше деньги, но… хмм… кстати, знаешь, а сумма, что они потребовали – в точности такая, как у меня сейчас есть на счету. Не понял? То есть – это почти все свободные деньги, что у меня есть. То, что я пусть и с потерями, но смогу снять за сутки.

– Бухгалтер? – предположил я.

– Или в банке их человек. Да какая разница? Когда возьмем их, тогда и узнаем – кто именно. Если узнаем. Кстати, тебе обязательно сразу их убивать?

– Нет, не обязательно. Но мне обязательно нужно их убить. Я не буду пояснять – зачем. Считай меня маньяком-убийцей, считай кровожадным идиотом, но мне нужно их убить.

– Мда… никогда бы не подумал! – вздохнул Самохин, поглядывая на меня, как мне показалось – даже с некоторой опаской. Потом он вдруг удивленно поднял брови и спросил, быстро глянув на меня:

– Слушай, а ты же ушел из полиции! А какого черта разгуливаешь в ментовской форме? Я сразу-то и не сообразил, не до того было – честно сказать, меня как мешком пришибли. А вот сейчас вспомнил, и… вот.

– Ко мне из райотдела приехали – усмехнулся я – слезно просили помочь, не уходить прямо сейчас, пока не подберут замену. Ну я и согласился, с условием, что не будут сильно давить. Говорят, как я на участок сел, здесь преступлений не совершается, и правонарушений меньше стало. Врут, наверное, но так сказали. В общем – отыграл я пока что назад. Ну а почему бы и нет? Почему бы не помочь людям… я имею в виду моих начальников. Когда мне было херово, они меня приняли, на путь истинный наставили, помогали, как могли. Опять же – когда прикрыт ментовской формой, оно как-то и полегче жить, разве нет?

– Вот! – ухмыльнулся Самохин – А я все ждал, скажешь, или нет! Честный ты парень, Вася. За то тебя и уважаю. Честный и справедливый. Потому тебе и поверил. Да, прикрывшись формой колдовать-то полегче будет. Иначе и наезжать будут, иначе претензии всякие, правда же?

– Ну да… на это тоже намекали – хихикнул я – Тут ведь еще есть обстоятельство: с начальства денег не возьмешь. Начальство хочет все на халяву. У одного жена толстуха, другой никак не может ребенка зачать, третий… третий жену хочет приворожить – а все денег стоит. Так почему бы на халяву это не сделать? У своего парня-участкового? И кстати, веришь, или не веришь, но и селянам помочь было бы неплохо. Вот избавил я людей от алкоголизма – что они от этого, хуже жить стали? Мне, кстати, большого труда это не составило. Честно сказать – плевое дело. Как ты говоришь – гипнотизер я хороший. Ну и вот… почему бы жизнь не сделать лучше? Жизнь этих людей, ну и вообще – жизнь!

– А все-таки, зачем тебе нужно убить этих тварей? Можешь мне сказать? Я никому, вообще никому не скажу! Но мне хочется понять. Очень хочется понять! Чувствую, я прикоснулся к чему-то такому, что… в общем – к Тайне! И я хочу ее хоть немного познать! Не прощу себе, если не попытаюсь.

– Я не могу тебе сказать, Владимирыч – вздохнул я, и помотал головой – Хотя… скажу кое-что. Сила у колдуна – думаешь, откуда? Его способности? Не знаешь. Вот и не надо тебе знать. В бога ты не веришь, в богов скорее всего – тоже. Ведь не веришь, Владимирыч?

– Не верю – вздохнул Самохин, сворачивая со МКАД, и поворачивая руль отточенными, скупыми движениями, что отличает мастера-водителя от суматошного новичка. Новички обычно перебирают руками по рулю, суетятся, мастер никогда не выпускает руль из рук – как положил на него ладони, так они и лежат. При резком повороте – руки идут крест-накрест, но ладони не сдвигаются.

– А они, боги-то, существуют, Владимирыч, и честно сказать, им плевать – веришь ты в них, или не веришь. И эти боги дают силу колдунам и ведьмам. А чтобы расплатиться за силу, им нужно кое-что дать. Например – душу человека. Я черный колдун, не забыл? И я должен отправить богам несколько душ. Плохих душ, очень плохих! Злодеев! Не могу же я отправлять им хороших людей? А где взять плохих? Вот так.

– Голова кругом! – вздохнул Самохин – Это ведь просто чертовщина какая-то! Мракобесие! Но с другой стороны – вот он ты, сидишь рядом и серьезно говоришь о таких вещах! И я вижу – ты не врешь, и вроде как не сумасшедший! Но поверить все равно не могу. Ладно, увидим… время покажет.

Мы подъехали к здоровенной башне на Ленинском проспекте, не совсем новый дом, но явно крутой, не из дешевых построек. Квартиры здесь стоят хороших денег. Самохин зарулил во двор и с трудом нашел место для парковки. Вечная проблема Москвы – тут не то что оставить на ночь, припарковаться совершеннейшая беда!

Машина моргнула фарами, пискнула сигнализацией, а мы пошли к подъезду – у меня в руках большая спортивная сумка с ингредиентами для снадобья. Ну и еще с кое-чем.

Самохин приложил к домофону ключ, дверь открылась, и скоро мы уже поднимались на шестнадцатый этаж в чистом, не заплеванном лифте с не сожженными кнопками. Поддерживают чистоту, однако. Внизу даже консьержка сидела – Самохин с ней поздоровался, видно, что она его знала.

Дверь после звонка открылась практически сразу. Небольшого роста, ладненькая брюнетка лет двадцати пяти-тридцати на вид бросилась на шею Самохину, заливая его слезами, и он пошел по коридору, махнув мне рукой и придерживая повисшую на шее как гиря дочь. Я закрыл дверь, проверил, что дверной замок защелкнулся, и пошел следом, оставив пока что мою сумку под зеркалом в прихожей.

Хорошая квартира, ничего не скажешь. Паркет – светлый, новый. Стены в красивых рельефных обоях, на них – картинки. Так себе картинки на мой взгляд – что-то модерническое-хреническое. Не уважаю я такие картинки. Вот Айвазовский – это да! Или Шишкин. Или там… хмм… Леонардо да Винчи! А тут – как извиняюсь письку в краску макнули, да и помазали по холсту. Видел где-то в сети – там один придурошный художник именно так и рисовал картины. И ничего, покупали! Народу ведь чем не дурее, тем ценнее. Навешают лапшу на уши насчет невероятного таланта художника – люди и рады стараться вывалить бабла. Аферисты, одно слово! Я бы за такие дела просто сажал, как за мошенничество.

В большой комнате было людно. Самохин с дочкой, молодой мужик из числа офисного планктона (их сразу видно, эдакий закос под Эуропу-Запад), видимо муж самохинской дочки, и еще трое мужиков неопределенного возраста – волосы с проседью, морды такие, будто только что выпили соляной кислоты и закусили стаканами. Явно бывшие вояки, видавшие виды и ни в грош не ставящие жизнь врага. Жилистые, крепкие, лет под пятьдесят каждому, но возраст значения не имеет. Я знал одного такого – инструктором по стрельбе работал. И работает. Так лучше ему на пути не становиться – на бегу перестреляет толпу народа, и все пули посадит в лоб. Спец, однако, вроде как из бывших «альфовцев». И эти такие же – по физиономиям видать, что в случае чего убьют, и даже не поморщатся.

На меня не посмотрели – кто я для них такой? Личность моя ничем не примечательна – ни особым ростом не выделяюсь, ни статью могутной. Так… молодой мужик непонятного рода деятельности. Может водила самохинский! Или секретарь. Нет, на секретаря я не тяну – морда больно протокольная.

Опытный человек сразу вычислит во мне мента. Как? Да запросто. От мента всегда пахнет ментом – это и сами менты знают, и старые уголовники, повидавшие за свою жизнь вблизи десятки и сотни таких как я.

Мужики встали с дивана, обнялись с Самохиным, а тот, что до того сидел посередине, пожал плечами и сказал:

– Ну что… вот мы здесь. Давай, командуй! Дело святое, как не помочь? Что делаем?

Самохин оглянулся на меня, не зная, как представить, и что вообще сказать на мой счет, и тогда я взял вожжи в свои руки:

– Здравствуйте. Меня звать Василий. Я не буду говорить вам кто я, и что я – вам это знать совершенно не нужно. Моя задача, узнать, где находится Настя. И я это сделаю. Для этого мне нужен волос девочки. Мы можем найти ее волос?

– Хмм… экстрасенс, что ли? – с подозрением буркнул один из мужиков, недовольно скривив губы – развелось б…ь аферистов!

– Правда, папа, зачем нам эти аферисты, вы чего? – вдруг взвился зять Самохина – Вы же всегда сами смеялись над этим мракобесием! Настеньку надо выручать, а не этих аферистов кормить! Деньги надо отдавать! Они же сказали – не отдадим, они ее убьют!

– Мне нужен волос Насти – так же спокойно, не обращая внимания на придурка повторил я – Валентина, вы можете найти волос девочки?

– Могу… – растерянно ответила женщина и оглянулась на Самохина – Па-ап… что это? Кто это?

– Делай! – мрачно приказал Самохин, не глядя на меня. Похоже что ему самому все происходящее казалось фарсом, отвратительным фарсом. И он уже жалел, что поверил мне и привел меня сюда. И в самом деле – а если я… слегка спятил? Я-то уверен в том, что могу колдовать, потому что мозги мои набекрень, а вот как он мог поверить в такую чушь? Он, проживший на свете шесть десятков лет, и не верящий ни в бога, ни в черта!

– Пойдемте! – кивнула головой хозяйка, и пошла из комнаты. Я за ней. Через несколько секунд мы оказались в комнате, явно служившей детской – кровать, больше подходящая девочке (яркое покрывало, картинки на подушке), на стенах картинки, перед окном письменный стол с монитором и клавиатурой. Сейчас никакой ребенок без компьютера уже не может обходиться. Яркие девчоночьи вещи по углам комнаты, большой плюшевый мишка на кровати (ну куды ж без него!).

– Вот ее щетка! – Валентина протянула мне розовую массажную щетку, в которой застряли несколько русых тонких волос – Этого достаточно?

– Точно ее волосы? – на всякий случай спросил я, и тут же дал задание бесам – «понюхать» волосы, узнать, кому они принадлежат.

– Точно! – с каким-то даже осуждением ответила женщина – Не сомневайтесь!

– Да, это волосы девочки – подтвердил Прошка – У женщины волосы совсем другие, крашеные.

– Мне нужен стол! Лучше в кухне. И чтобы никто не заходил, пока я работаю. Это можно устроить?

– Да… конечно… – вдруг смешалась женщина, и подняла на меня взгляд заплаканных глаз – а вы точно можете ее найти? Вы не обманываете?

– Я не обманываю. Точно могу. Не теряйте времени, дайте мне место для работы!

Я сходил в прихожую, принес сумку, дождался, когда все выйдут из кухни, и начал выкладывать ингредиенты на стол. Установил спиртовку, достал ступку и пестик, весы – все было готово. Теперь – вперед!

Снадобья я изготовил за полчаса – можно сказать легко и приятно. По-накатанному делать уже совсем просто. Заклинания я помнил наизусть – после того, как выпил снадобье, после которого чуть не помер – память у меня стала абсолютной. Помню все, и забыть уже не могу. Хотя досталось мне это умение очень тяжело – несколько дней валялся в горячке, пока шла эта самая мутация.

Впрочем – мутировал я еще раньше, когда вдохнул снадобье колдуна, и когда принял в себя его Силу. Но следующая мутация была осознанной и целенаправленной – якобы кардинально улучшала мою «соображалку». Правда пока что кроме абсолютной памяти особого улучшения мозговой деятельности я и не заметил. Гением не стал, это точно. Хотя, если судить по дневнику старого колдуна, который я прочитал и запомнил – мутация происходит не сразу, не вдруг, и вообще, у разных людей она протекает по-разному. Способности у всех проявляются разные. Например та же абсолютная память достается вовсе не всем. Так что я могу радоваться, что такая замечательная способность мне досталась.

И вообще могу радоваться – хотя бы тому, что не сдох в процессе мутации. Я бы и сдох, но на что мне бесы, если не могут напитать меня силой и здоровьем? Именно они фактически и вытащили меня с того света. И не потому, что очень уж так меня любят – не любят они меня ни хрена, как может раб любить рабовладельца? Просто бесы по-другому не могут. Их задача – меня беречь, давать мне здоровье и хорошее настроение. Они ведь мои слуги, мои рабы.

Закончив изготовление снадобья, я дал его понюхать Прошке и Миньке, которые тут же унеслись на поиски девочки. Через несколько минут бесы уже вернулись.

– Есть. Нашли! Она жива. Ее держат… (они назвали адрес). Это частный дом, коттедж. В доме четверо. Оружия не заметили.

И еще кое-что они мне сообщили – из разговоров этих скотов. И это самое «кое-что» мне сильно не понравилось. Очень сильно не понравилось. Хотя вполне укладывалось в реалии жизни.

Я встал, аккуратно сложил все свое барахло в сумку, переложив его тряпками. Поискового снадобья оставалось еще половина порции – бесы не все использовали в работе. Они как-то особенным образом всасывают снадобье, вроде как след берут, но ровно столько, сколько им нужно для поиска объекта, не больше. Так что всегда часть снадобья остается. По крайней мере до сих пор так было, не знаю, может расход снадобья зависит от расстояния?

Держа сумку в руках вышел из кухни, прошел в прихожую, оставил барахло там. Прошел в зал, кивнул Самохину:

– Можно на пару слов?

Самохин внимательно посмотрел мне в глаза, кивнул, и вышел за мной следом в прихожую, где я и остановился, поджидая.

– Ну что, нашел?! – выдохнул он тихо, и глаза его горели, как у охотящегося волка.

– Нашел – кивнул я, и тут же остановил его – Тихо! Ни слова! Это твой зять.

– Что – мой зять?! – не понял Самохин, замер, и неверяще помотал головой – Да ладно?! Ты что такое говоришь?! Да он любит девочку! Ты что?!

– Он задолжал. А девочка… ведь она приемная ему, так? Дочь у тебя ведь не первый раз замужем? Ребенок от прежнего брака?

Самохин смотрел на меня и мотал головой – нет, нет! И правда – ну как можно поверить в такое?!

– Хочешь, я заставлю его сознаться? – предложил я, и Самохин задумался. Подумав, выдал:

– Нет. Не хочу. Вдруг ты ему внушишь, и он сам себя оговорит! Прости, я должен сам убедиться. Мы возьмем его с собой. Далеко ехать?

– На Рублево-Успенское шоссе. Там есть коттедж, я дам адрес. Она там. С ней четверо.

– Рублево-Успенское? – Самохин замер, прикрыл глаза – Там у Валеры друг живет. Друг детства. Черт! Нет, не могу поверить!

– Я пойду вниз, к машине. Ты собираешь свою бригаду, и мы едем освобождать Настю.

Кивнул Самохину, открыл дверь и пошел к лифту. Через пять минут уже сидел на скамейке возле подъезда, поставив рядом с собой сумку, и размышляя о том, что жизнь иногда гораздо чуднее, чем если бы ее придумал ушлый писатель. И

деньги… они всех портят, эти деньги! И ничего не изменилось с самых что ни на есть пещерных времен. Увы…

Вся честна?я компания вышла из дома минут через двадцать. Впереди шел Самохин, мрачный и холодный, как Терминатор, за ним тот мужик, что кривил губы, упоминая об экстрасенсах, замыкал группу еще один из друзей Самохина. Зять шел в центре, растерянный и даже ошеломленный. Похоже, он не понимал, что сейчас происходит.

Загрузились в две машины. Самохин, я, его зять Валера и тот мужик, что шел за Самохиным – в самохинский джип. Остальные – в гелендваген, черный, похожий на катафалк. Нет, так-то мне нравится такая «коляска» – брутальная, комфортабельная, и все такое прочее, но… какой-то он архичный, и слишком уж «пацанский». А я так называемых «пацанов» на дух не переношу. Не люблю я уголовников, каюсь. Шпану всякую. Не верю им. Для профессионального преступника мы все «лохи», которых надо «учить». Корм для волков, животные. А я не люблю, когда меня считают животным.

Уже когда отъехали от дома, Валера достал смартфон и со словами:

– Надо Вале позвонить, узнаю, как она там! – попытался набрать номер. Но сидящий рядом мужик молча забрал у него аппарат, сунул в карман и замер с закрытыми глазами, не обращая внимания на вопли и стенания несчастного Валеры:

– Что это еще такое?! Игорь Владимирович, что за беспредел?! Я должен позвонить Вале!

– Кому ты должен – это мы узнаем чуть позже – мрачно сообщил Самохин, и глядя в салонное зеркало, спросил – Валера, ты всегда был такой мразью? Как я тебя не разглядел?

– Вы о чем, папа? – растерянно пробормотал Валера, и вдруг взвизгнув, завопил, глядя на меня – Это ты, скотина! Это ты на меня наговорил! Я это так не оставлю! Аферист проклятый! Тварь! Мразь! Пидор!

«Пидора» я ему прощать не собирался, уж очень не люблю, когда разбрасываются такими вот… хмм… определениями, потому заслал Миньку и

через секунду Валера уже корчился от боли, держась за живот и завывая, как стая шакалов. Самохин удивленно оглянулся на корчащегося типуса, но я его успокоил:

– Все в порядке, сейчас у него все пройдет. Но если продолжит обзываться – до конца поездки будет корчиться в муках.

Самохин удивленно и даже с некоторой оторопью посмотрел на меня, будто желая спросить – как и что устроил, но я пояснять ничего не стал. Зачем? И что именно? Сказать, что я послал беса во внутренности придурка, и бес ему слегка покрутил кишки? Смешно будет выглядеть, точно. Да и не надо простым людям знать о моих Помощниках.

Мы подъехали к нужному дому уже в сумерках, вернее – практически в темноте. За высоким забором ничего не было видно – есть кто-то в доме, или нет. И как попасть в дом – тоже не ясно. Как-то надо перелезть через забор… а там вон, вижу, стоят видеокамеры. Задействовать зятька? Чтобы позвонил и потребовал его впустить? Так будет видно, что с зятьком приехала целая толпа народа, и явно по грешную душу супостата, укравшего дочь предпринимателя. И тогда что они сделают потом – одному богу известно. А ведь еще может и предупредить гадов! От него точно такое можно ожидать.

Эти мысли промелькнули у меня в голове быстро, практически мгновенно, и прежде чем Самохин успел что-то сказать, я уже озвучил, что нужно сделать:

– Я сейчас полезу через забор, потом открою калитку. И вы войдете.

– Почему ты полезешь? – рассеянно спросил Самохин – А вдруг тебя там встретят?

– Я молодой, шустрый, а вам, ветхим старичкам, трудно лазить по заборам (мужчина на заднем сиденье фыркнул). Задача – потом найти, где находятся жесткие диски, на которые пишется изображение с этих камер, и выдрать их из компов. Чтобы не оставлять следов.

– А с этим что делать? – мужчина пренебрежительно пихнул плечом зятька – Сбежать ведь может, гад!

– С собой его возьмите, когда я открою. Все, я пошел!

Давно не лазил по заборам. Даже и не помню – когда в последний раз лазил. Но ничего, справился. Подпрыгнул, уцепился за край, подтянулся… хоп! И вышел на прямые руки. Силен, собака! Сам себе удивляюсь. Спортсмен! Закинул ногу на забор, аккуратно прицелился, куда спрыгнуть, спрыгнул, стараясь не подвернуть ногу. Очень уж это болезненная штука – подвернутая нога.

Калитка запиралась на стальной засов, так что открыл ее без проблем. И тут же черными тенями практически бесшумно влетели наши мужики. Звуки исходили только от зятька Валеры, который мычал, тряпкой повиснув в руках одного из «боевиков».

В руках остальных, как и в руке Самохина, как-то сами собой оказались пистолеты – не какие-то там заграничные крутые пафосные стволы, а самые что ни на есть родные «макаровы», потертые в некоторых местах до серебристого блеска (фонари во дворе горели достаточно ярко). Видно, что эти пистолеты не являются удлинителями членов, а самый что ни на есть инструментарий, которым можно наводить порядок в народном хозяйстве.

– Внимательно! – скомандовал Самохин, и недоуменно посмотрел на меня – Ты чего прохаживаешься, как на шпацире?! Быстрее!

– Не спешите – невозмутимо ответил я – Им сейчас не до нас.

Да, придуркам было не до нас. Они лежали на полу – заблеванные, бледные, жалобно стонущие. У одного даже носом пошла кровь, и он размазывал пахнущую железом жижу по лицу, превращая его в ужасную красную маску. На столе стояли бутылки с коньяком – одна почти выпита, две полные – закуска (магазинные салаты и бургеры из «Мака»). И лежали два охотничьих ружья – вертикалка шестнадцатого калибра ИЖ-27Е и помповик с рукояткой вместо приклада – «Моссберг-500». Страшное по своей эффективности оружие. Нашпигует картечью – враз, и навсегда. Для ближнего боя – самое то.

– Вот ни хрена себе! – присвистнул один из мужиков, тыча пальцем в «моссберг» – Хорошо, что их понос прошиб! Бронежилета-то у меня нет!

– Против такой штуки бронещит нужен, а не бронежилет – мрачно буркнул другой мужчина, и ткнул ногой одного из валяющихся на полу – Что это с ними?

– Съели что-нибудь несвежее – усмехнулся я, и Самохин внимательно посмотрел на меня, прищурив глаза – Нет, ну а чего? Сколько уже людей потравились несвежими салатами! Надо быть разборчивее в еде, правильно, скоты вонючие? Вот видите – скоты подтверждают!

Скоты только мычали и таращили глаза. Им было больно. Если чего мои бесы и умеют, так это мучить людей, и делают это с большим удовольствием. Маньяки!

– Допросите их? – продолжил я общение, а мы с Игорем Владимировичем пойдем, извлечем Настю из узилища. Она в подвале, Владимирыч.

Настя была цела и невредима, хотя и сильно испугана. И пояснила, что когда шла из музыкальной школы, ее встретил дядя Слава, и предложил подвезти до дома. Сказал, что он все равно сейчас едет к папе Валере в гости, вот заодно и подвезет. Настя никогда бы не села в машину к незнакомому человеку, а тут… свой!

Тут все было ясно. Настю Самохин отвел в свой джип и оставил сидеть вместе с одним из своих помощников (уж не знаю, кем они ему приходятся, но слушались его беспрекословно). Ну а когда вернулся в дом, пошел уже допрос внезапно поздоровевших, хотя и слабых еще похитителей. И этот допрос подтвердил мои обвинения. Организатором похищения был зятек Валера, который хотя и работал в крупной фирме, но зарабатывал не сказать чтобы уж так хорошо. По крайней мере было ясно, что денег на все причуды и желания Валерику не хватало. Тесть же его деньгами не особо баловал – все больше помогал продуктами и всяческим таким натуральным хозяйством. Что Валерика просто бесило – приходилось жить на зарплату, и это притом, что жена сидела с ребенком и не работала. Ее-то папаша обеспечивал от и до! Оплачивал покупки одежды, покупал путевки на курорт. И живых денег давал – но только жене, и недостаточно! Жмот, точно. Да еще эта Настя – довесок, с которым Валерик и получил свою нынешнюю жену.

В общем – убить сразу двух зайцев, разве это плохо? Половину денег тем кто это будет делать, на ком основная работа – похищение, звонки, собственно само получение денег, являющееся самым опасным пунктом этого мероприятия. При

получении всех вымогателей и берут. Так что половина выкупа – это нормально, тем более что на одного.

Самое смешное, что никто ничего Валере отдавать не собирался – как выяснилось при допросе. Этот самый его друг детства и с ним вместе трое отморозков-мажоров собирались кидануть Валерика и присвоить все деньги себе. Ведь жаловаться он никуда не пойдет! Ведь не дай бог узнает полиция, или еще хуже – Самохин, которого Валера боялся, как огня!

Настя должна была умереть. Она знала «дядю Славу», так что судьба ее была предрешена. В принципе – я это сразу и предполагал. Ее держали бы в живых до тех пор, пока не получат выкуп, ну а потом… потом – все, конец. И тела бы не нашли.

Омерзение – вот что я чувствовал, когда слушал откровения этих негодяев. Они взахлеб обличали друг друга, перебивая и брызгая слюной, и для этого даже стараться особо не пришлось – всего лишь один сломанный палец у так называемого главаря – того самого Славы. Он же первый и «запел».

Валерик вначале отпирался, но когда все четверо указали на него, начал срочно переваливать вину на своего друга, утверждая, что тот его запугал, иначе бы он, Валерик, никогда бы на такое дело не пошел.

Когда закончился допрос, один из мужиков вопросительно посмотрел на Самохина:

– И что будем делать? В полицию их сдавать? Они отмажутся, да и всех делов. Скажут, что мы их заставили себя оговорить. Родители уродов дадут денег адвокатам, и те их вытащат из тюряги просто на-раз. Если могли сынку подарить такой дом, так чего бы им не вытащить? Кстати, эй, ты, идиот – если родители такие богатые, почему тебе понадобилось заниматься похищением? Почему просто не спросил у них денег?

– Не дают – шмыгнув окровавленным носом сказал Слава – Я в казино играю. Сказали – больше наличных не дадут. Только на бензин и проживание. И где денег взять?

– А работать не пробовал? – насмешливо спросил другой мужчина из самохинской «свиты».

– За эти гроши? – презрительно скривился Слава – Как Валерик? Ну и чего он заработал? Целыми днями в офисе сидеть? Папаша помрет – я все бабки получу! На всю жизнь хватит, и останется! И зачем мне работать? Работа – это для лохов!

Мужчины переглянулись, и один мечтательно сказал:

– Я бы их просто отстреливал. Без суда и следствия. Просто за одну мерзкую рожу! Ну так что будем делать? Давайте вывезем их в лес, и грохнем! И прикопаем там!

– Не имеете права! – зашмыгал носом Слава – И что, своего зятя закопаете, Игорь Владимирович? А что доченьке скажете?

– Что-нибудь, да скажу – ответил задумчиво Самохин и с размаху врезал Славе ногой в бок. В боку что-то хрустнуло, и Слава истошно, по-звериному завыл:

– Ооо… больно… ребра сломал, сука! Ответишь за это! Клянусь, ответишь! Я тебе засужу, сука!

– Ну что… оставляю их тебе – кивнул мне Самохин и пошел к двери. У двери остановился и кивнул своим людям. Пойдемте, парни. Пойдем, пойдем…Василий тут разберется.

«Парни» недоуменно пожали плечами, посмотрели на Самохина, на меня, и не оглядываясь пошли за своим предводителем. Ну а я остался сидеть на диване, глядя на слегка воспрявших духом помятых жертв.

– Чо смотришь, сука?! – всхлипнул один из парней, вытирая о рубаху руку, испачканную в блевотине – ворвались в чужой дом, избили хозяина, угрожали – посмотришь, что с вами будет, твари!

– Кстати, а где у вас стоят сервера, на которые записывается изображение с камер? – спросил я, вставая с места. В ответ услышал нецензурную брань, и

через мгновение бранившийся корчился на полу, завывая и дергаясь от боли. Прошка работает!

– Повторяю вопрос – где сервера с записями? – спокойно спросил я, и через минуту уже шагал в в комнату рядом с кухней. Именно там и стоял этот самый сервер. Я извлек из него жесткий диск, спустился я подвал, нашел молоток и вернувшись в кухню сосредоточенно, не пропуская ни сантиметра поверхности, сделал из диска отбивную.

Когда вернулся в кухню, обнаружил, что в судорогах валяются все четверо – как сказали Минька и Прошка, после моего ухода эти козлы попытались вооружиться, ружья-то остались на месте, на столе. Но ожидая чего-то подобного я приказал бесам стеречь негодяев.

Ну а теперь пришел через самого главного. Мне нужно их убить. Самому, своими руками. Как? Да хотя бы из этого вот «Моссберга». Или ножом. Или молотком. Да какая разница – как! Главное – убить. И вот теперь соображал – а хватит ли у меня духу? Я ведь только косвенно убивал. Проклятьем, или отправлял к нечисти… но не своими руками!

Но когда-то надо начинать! Все бывает в первый раз…

Я взял со стола «моссберг», проверил наличие патрона в патроннике. Патрон имелся, осталось только лишь нажать на спуск. И тогда я подошел к Славику и направил ружье ему в голову. Славик завозился, глаза его расширились, он закричал, завыл, дергая ногами и пытаясь отползти подальше.

Бах!

– Тебе моя жертва, Морана! – сказал я, глядя на разлетевшиеся по полу куски кости, мозга и кровавые сгустки. Меня затошнило, и едва не вырвало. Но уже через мгновение тело охватил жар, я невольно охнул, вдохнул воздух полной грудью – восторг, радость, здоровье и ощущение полноты жизни! И голос – женский, ласковый, звучный, как гонг:

– Благодарю тебя, адепт! Жертва принята!

Я выдохнул, и подошел к следующей жертве. И все повторилось заново – выстрел, невероятное удовольствие от смерти жертвы, голос богини и понимание, что я все делаю правильно.

Последним был Валера, который обмочился и ползал передо мной на коленях, бормоча что-то глупое, мерзкое, жалкое. Что-то вроде: «Я все для тебя сделаю! Все на свете! Только не убивай! Только не убивай! Все, все для тебя! Буду твоим рабом!»

Но я не пожалел его. Его никак нельзя было жалеть. И вообще – мне очень сильно повезло, что эти твари сделали свое черное дело именно тогда, когда мне понадобились жертвы. Одним махом – пять жертв отправлены к Моране! Разве это не замечательно?

И никакого сожаления я не испытал. Ну вообще никакого! После первой казни – тошнота, но она быстро прошла и больше уже не возвращалась. Наоборот – теперь я испытывал наслаждение, убивая этих тварей.

Мда… интересно, маньяки-убийцы, они случайно не были адептами Мораны? А еще, сдается, Моране служили ацтекские жрецы, массово вырезая сердца врагов и соплеменников. Вот где Морана упивалась человеческой кровью! Только наверное там ее звали совсем по-другому. Боги одни и те же, а вот имена им люди придумывают совсем другие, не такие, как у соседних народов.

Закончив, и стараясь не испачкаться в крови, стащил трупы в одну кучку. Бросил на эту кучу орудие казни, и достал из кармана склянку с желтой маслянистой жидкостью. Открыл склянку – очень аккуратно, стараясь, чтобы на кожу и одежду не попало ни капли, и так же аккуратно побрызгал жидкостью на трупы. Затем обошел весь дом, стараясь капнуть в каждом помещении, в каждом коридоре. Закончив, швырнул склянку в желтый «форд-мустанг», стоявший в гараже.

Выйдя из дома быстро пошел к воротам, и уже у ворот – выпустил на волю заклинание активации.

Жахнуло! Да так жахнуло, что я просто офигел!! Вот если представить некую поленцу дров, политую канистрой бензина, представить, что бросил туда горящую спичку, и это событие увеличить раз в сто – вот и получится то, что я

устроил с домом! А ведь было сказано в дневнике колдуна: «Достаточно одной капли оной жидкости, чтобы разжечь костер высотой в человеческий рост. И будет этот костер гореть не менее как пять часов, и нельзя его погасить ничем – только если другим заклинанием. И то только в том случае, если гасящий равен по силе тому, кто возжег огонь, или его превосходит. Не может затушить магический пламень этого огня ни вода, ни песок. Плавятся камни, плавится металл и течет, как горячий воск».

Хорошее заклинание, дельное. Прямо в кон – чтобы скрыть следы преступления. Или следы казни? Но для государства это точно преступление.

Когда джип отъехал от горящего дома уже на порядочное расстояние (в темноте было видно только лишь далекое зарево, отражающееся в облаках – полыхало знатно), навстречу попались две пожарные машины. Они ослепили фарами, и несколько секунд не было слышно ничего, кроме пронзительного сигнала этих красных монстров. К подожженному мной дому они спешили, или в другое место – не знаю. Возможно, уже вызвал кто-нибудь из соседей, уж больно жарко пылало все здание, эдак и соседние дома может поджечь! Вот тут меня и в самом деле кольнула иголочка совести – соседи-то ублюдка ни причем. Не дай бог и им достанется огонька.

Вот вечная у меня привычка перебарщивать, если что-то готовлю на обед, так всегда с запасом. И приходится упираться, есть, пока в живот влезает, или ставить в холодильник, и потом доедать гретое. А гретое уже невкусно! И не хочется! А выбрасывать – жаба душит! Мама меня приучила беречь еду – еда достается совсем не просто. Мама работала с раннего утра и до глубокой ночи, чтобы кое-как нас содержать. Брала дополнительные часы в школе, вела класс как классная руководительница – все ради лишней копеечки. Женщине в одиночку и себя-то прокормить проблема, а если еще в доме живет прожорливый и быстро вырастающий из одежды и обуви сын… тут уже совсем становится хреновато. Вздохнула свободней она только тогда, когда я поступил в военное училище на полное обеспечение.

Конечно, ей надо было найти какого-нибудь мужика, прилепиться к нему, и жить, как многие живут – пусть и не в любви, но в каком-никаком достатке. Но она не хотела приводить в дом отчима – как он отнесется к любимому сыну? Что будет вытворять? Не хотела рисковать моей психикой. И я по гроб жизни буду помнить мою маму… мою славную, любимую маму. И еще вернусь туда, где она закончила свою жизнь, и найду того, кто ее убил. Чего бы это мне не стоило! Вот

разберусь с «вариной» проблемой, и займусь поисками убийцы. Найду, уверен! Наверное, найду… если мама успела его увидеть. И если он еще жив.

Кстати, насчет чужого ребенка – вот пример, сидит сзади рядом с Самохиным и дрыхнет, положив ему голову на грудь (за рулем тот, кого Самохин называл «Виктор»). Так вот – привела, понимаешь, мама нового папу дочке. И чем это закончилось? Едва плохим не закончилось!

– Василий! – голос Самохина был приглушенным, он старался не разбудить дочку – Как оправдаем отсутствие Валеры? И еще – внучка-то может разболтать. Что делать будем? Есть мысли по этому поводу?

– Валера сбежал – не раздумывая ответил я – Сбежал, когда мы догадались, что он виноват в похищении Насти. Или еще лучше – он просто сбежал. Сказал, что уходит от Валентины, собрал вещи и ушел.

– Это как так? – удивился Самохин, хотел что-то сказал, даже звук уже вылетел изо рта – А… И тут же замолчал. Понял.

– И ты это сможешь?

– Смогу – снова не раздумывая ответил я – Настя ничего уже не помнит. Она каталась с дедушкой на машине. Дедушка забрал ее из музыкальной школы, и повез кататься. Тут другой вопрос – насколько вы верите вашим друзьям?

Я посмотрел на молчаливого водителя, и тот мельком бросил на меня взгляд. И взгляд этот был очень хмурым и задумчивым.

– Я верю им как самому себе! – отрезал Самохин, и я пожал плечами:

– Как знаете, как знаете…

И после короткой паузы добавил:

– Мне нужна ваша помощь.

– Что именно? – напрягся Самохин – Все, что угодно! Ты мне сегодня просто вернул жизнь. Говори, чего нужно.

– Мне нужно задержаться в Москве на неопределенное время. Здесь у меня есть очень, очень важное дело. В связи с тем, что я срочно сорвался с места, теперь у меня возникла необходимость в транспорте, а еще – мне нужно устроиться в гостиницу. Не знаю, сколько времени я здесь проживу, так что… вот так. Денег мне не надо, денег у меня более чем достаточно.

– Возьми мой джип! – тут же ответил Самохин – Я доберусь домой без проблем. Потом пригонишь.

– Могу и не пригнать – задумался я – Если я найду, того, кто мне нужен – джипу может прийти конец. Это во-первых. Во-вторых, джип слишком заметен. Мне надо что-то незаметное, что-то такое… ну… никакое! Чтобы взгляд бросил, и забыл об этой коляске. Но чтобы нормально, без проблем передвигалось. Можно такое устроить?

– Завтра. Завтра до обеда я тебе что-нибудь найду – не раздумывая ответил Самохин – такое, чтобы не жалко, если придется бросить. Но чтобы ехало как надо. И никаких гостиниц – ночуешь у дочки, со мной вместе. Утром рано я займусь делами – тачку тебе найду. А ты будешь жить у нас столько, сколько тебе нужно. Дочка и накормит, и напоит. На кой черт какая-то там гостиница?

На том и порешили. Потом, когда уже подъехали к дому где жила дочь Самохина, и прощались с нашими сопровождающими, Виктор крепко пожал мне руку и тихо сказал:

– Силен, парень! Ей-ей я бы никогда в такое не поверил! Ты это… если что, можно будет к тебе обратиться? Ну… в случае чего?

– Теоретически можно – осторожно ответил я – Только учтите, что я вообще-то работаю за деньги. И не со всеми. И точно не киллер. Владимирыч мой друг, потому я для него все сделал бесплатно. Чужим я просто так стараться не буду, уж простите. Впрочем – это касается богатых людей. С бедных я ничего брать не буду. Если понадоблюсь – мой телефон у Самохина имеется. И сразу… это даже не просьба, это… в общем – не надо особо распространяться обо мне, хорошо? Только в экстренном случае. Ну, все, счастливо оставаться!

Мы распрощались, и «гелик» с суровыми мужиками канул в ночную тьму. Не знаю, увижусь ли с ними еще, и честно сказать, этот вопрос меня не особо и занимал. Своих дел хватает выше крыши, разгрести бы, и еще башку не потерять!

Мы поднялись на нужный этаж позвонили в дверь (я позвонил, Самохин нес на руках уснувшую Настю), а когда нам открыла заплаканная, опухшая от слез Валентина, прикрикнул на нее:

– Тихо! Не буди! Все в порядке, ничего не случилось!

Самохин прошел в комнату, а ябыстро уцепил Валентину за руку и мгновенно погрузил ее в сон. Обмякшую, отнес в спальню и положил на кровать.

Нанесение ложной памяти заняло у меня около получаса. Мне пришлось придумывать сюжет, как писателю в его романе. Вот Валентина и Валера выясняют отношения, вот он говорит ей, что у него появилась другая женщина, и она, старая баба ему не нужна – Валера был моложе Валентины лет на пять. Картинки, картинки, картинки… все это нужно закачать в память, да так в нее вбить, чтобы эта память стала Валентине своей.

Но все когда-нибудь кончается, закончился и мой сеанс «гипноза». Отдав мыслеприказ проснуться через десять минут, я пошел из спальни, довольный, и совсем не уставший.

Да, именно не уставший – я был настолько переполнен энергией – и магической силой, и жизненной энергией, что сейчас я бы наверное мог выиграть марафон, прибежав его со скоростью спринтера! Или не спать неделю. Или взять машину за зад и приподнять! Наверное… Ну… ощущение такое у меня было… и я знал – почему. Пять душ в жертву Моране, пять энергетических сгустков – уж что-то от этой жертвы должно было перепасть и мне? И перепало. И я чувствовал себя так, будто горы могу свернуть, и моря новые выкопать! Как наркоман после хорошей дозы герыча. Опять же – наверное, я ведь никогда не пробовал героин, и не собираюсь его пробовать. Так что ничего об ощущениях наркомана не знаю, и могу об этом только догадываться.

Самохин сидел за столом на кухне, помешивал ложечкой в фаянсовом бокале. Увидел меня, предложил:

– Кофе будешь пить? Поешь что-нибудь? Давно ведь уже не ели. Сейчас в холодильнике пошарюсь, чего-нибудь найду.

– Кофе? Давай кофе – после короткого раздумья согласился я – да и перекусить тоже можно. Не так чтобы очень уж хотелось, но надо…

Самохин кивнул, дернулся встать с места, но остался сидеть. Спросил:

– Ты с Валей… сделал?

– Сделал – кивнул я – Теперь она думает, что Валера бросил ее, ушел к другой бабе. Сказал, что вещи потом заберет, и ушел. Ну и про Настю. Она теперь не помнит ничего, что было в эти дни. Думает, что каталась с тобой.

Самохин посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом, потом как-то по-детским заморгал, уставился в столешницу, тихо сказал:

– Василий, ты страшный человек, ты это понимаешь?

– Понимаю, Игорь Владимирович – вздохнул я – Жизнь такая! Я стараюсь жить по-совести, никого без нужды не трогаю. Даже помогаю, как видишь. Ты это… тоже особо не распространяйся, ладно? Скажешь где-нибудь, где не нужно, и могут быть проблемы. И не только у меня. Только в крайнем случае, если очень будет нужно. Да и вообще – я ведь бесплатно только для тебя работаю, из дружбы. Ты меня поддержал, ты мне помог, когда я приехал в Кучкино. Встретил меня как друга. Вот я тебе и помогаю, чем могу. Но это не означает, что я буду помогать всем подряд – привораживать, и уж тем более – убирать конкурентов. Я не киллер, и не маньяк. Вот такие дела…

– Ты и меня мог бы загипнотизировать – задумчиво сказал Самохин, все-таки поднимаясь с места – И я бы даже не заподозрил, что ты со мной сделал. И вот что я тебе скажу, Вася… никому и никогда не говори, что ты умеешь делать такие вещи. Если даже я задумался о том, насколько ты опасен, то что подумают другие люди? Тебя сразу попытаются убрать – во избежание проблем.

Я кивнул. А что ему ответишь? Все точно сказал. Все по делу.

– Василий, я не собираюсь тебя… хмм… учить, но по-моему ты действуешь слишком прямолинейно и это может привести к нехорошим последствиям. Понимаешь?

– Уже привело – неожиданно для себя буркнул я – завтра буду Варю разыскивать.

– То есть?! – удивился Самохин, и я вкратце, без подробностей рассказал ему перипетии моей схватки с рыжим колдуном, оставив за кадром и фамилию олигарха, и кое-какие финансовые моменты. Незачем похваляться своим умением делать деньги. Которые, кстати, по большому счету мне и не нужны. Если вспомнить про сокровищницу в углу лаборатории.

Хотя… как это не нужны? Ну да, сокровища, и что? Ну вот они лежат, дальше что с ними делать? Берешь лоток и шагаешь по улице, крича во весь голос: а вот сокровища! Пааа-купай! Кому нужны сокровища?! Налетай! Есть бриллианты! Есть рубины! Александрит очень насыщенного цвета! Налетай, подешевело!

Ага, смешно. Попробуй только я вылезть с этими сокровищами к ушлым дельцам, и начнутся большие проблемы. Могут и бандитов навести. А если не наведут – заплатят хорошо если четверть от истинной стоимости драгоценностей. Или вообще попытаются кинуть, и придется мне их всех искоренять. Нет уж, пускай драгоценности лежат. И как страховка – в случае чего их хоть за какие-то деньги, но можно продать – и как инструмент. Ведь самые лучшие накопители энергии делаются из драгоценных камней. И среди них бриллианты – это самые эффективные. Например, сейчас у меня на шее несколько цепочек, на концах которых подвешены амулет накопитель, амулет магической защиты, и амулет физической защиты. Меня не так-то просто взять! Амулет физической защиты отведет пулю, отведет кулак противника, и наверное защитит даже от пушечного снаряда. Но тут я не уверен, по понятным причинам – не проверял.

Выслушал мой рассказ, Самохин задумался, потом предложил:

– Если какая-то помощь нужна – скажи, я все сделаю. Как уже говорил – я тебе по гроб жизни обязан за Настеньку. Не стесняйся, говори! Надо людей в помощь – я тебе дам. Денег надо – денег дам.

– Денег у меня хватает… а людей… ну что они, эти люди сделают? – вздохнул я – Против колдуна никто не сможет устоять. Только другой колдун. Или несколько колдунов. А вот ваши связи мне бы очень пригодились. Например – пробить, кому принадлежит дом по адресу, который я вам дам.

– Ты все не спишь? – раздался голос от двери. В проеме стояла заспанная, лохматая Валентина. Увидев меня – ойкнула, схватилась за голову, приглаживая волосы – Ты не один?

– Это Василий Каганов, мой друг – представил меня Самохин, и я встал, улыбнувшись женщине:

– Извините за вторжение, Игорь Владимирович пригласил меня. Сказал, что я могу переночевать. Если это неудобно, я сейчас же отправлюсь в гостиницу!

– Да ну что вы?! Как можно?! – Валентина махнула рукой – Если папа пригласил, как я могу вас прогнать?!

– Он поживет у тебя несколько дней, хорошо? – усмехнулся Самохин – У него в Москве дела.

– Да пусть живет – вздохнула Валентина, и пожала плечами – Мой-то, подлец, к своей девке отправился! Любовь у них, понимаешь ли! Да пусть катится, надел своим нытьем!

Мы с Самохиным переглянулись, и он незаметно мне кивнул. В общем – все шло нормально.

– Давайте я вам что-нибудь поесть приготовлю? – предложила Валентина, продолжая приглаживать непокорные волосы. Прическа у нее была короткой, но жесткие волосы похоже что не хотели лежать.

– Приготовь, только по-быстрому. На голодный желудок спать как-то не очень приятно, да, Вась? – улыбнулся Самохин – Яичницу нам пожарь, что ли… и колбасы нарежь. Нашей, не здешней, из бумаги которая.

Через пятнадцать минут мы уже ели, запивая яичницу и бутерброды горячим кофе. Валентина ушла спать, сказав, что постелит мне в зале, а отцу в комнате Насти. И мы остались вдвоем.

– Слушай, Вась… а как ты стал колдуном? – вдруг спросил меня Самохин – Извини, что спрашиваю… просто интересно! Это ведь так невероятно, что слов нет! Расскажешь?

– А зачем? – спросил я, отхлебнув сладкого растворимого кофе – Из интереса… ну если из интереса – случайно стал. Вдаваться в подробности я не хочу, прости уж. Случайно стал. И то, что я стал колдуном – большая моя удача. Потому что при передаче колдовской силы я запросто мог умереть. Но не умер. Оказалось – у меня предрасположенность к колдовскому делу, и я вполне мог стать колдуном и без чужой силы. Вот так. Владимирыч, мне бы не хотелось распространяться о своих способностях – мало ли чего может случиться? Подслушают, или ты случайно проговоришься, а мне потом как жить? Ты лучше расскажи, что там у тебя с эти чертовым Силифоновым случилось! Я ведь зачем к тебе шел, когда встретил дома – заява на тебя поступила. Морду ты набил этому Силифонову. Надо объяснение брать, надо отписываться.

– Силифонов? – Самохин искренне удивился – Вот же мразь! Пожалел его, не стал ход делу давать, а вон как вышло! Он со своим дружком двух коров украл и цыганам продал. А я узнал. Это еще до тебя было. У меня есть знакомые и у цыган, вот они мне и рассказали. Я его вызвал к себе, он начал врать, и все такое. Потом начал угрожать, мол, знает все про мои делишки – какие, к черту, делишки? Эти придурки считают, что раз деньги зарабатывает человек, значит – обязательно что-то химичит, ворует, укрывает. Они ведь так бы и делали! Значит и все делают. Например – мое фермерское хозяйство прикрытие, а на самом деле у меня в подвале пятьдесят девственниц фасуют наркотики по одному грамму в пакет.

– А почему именно девственницы? – с интересом сосведомился я – И как узнаешь, девственница она, или нет?

– Девственницы – чтобы интереснее. Ну а как определить? Заглядываю, конечно! – серьезно пояснил Самохин – ну и вот, когда начал мне еще и угрожать, я и въехал ему в рыло. В бухгалтерии сказал, чтобы ни копейки ему не отдавали. А в трудовой запись сделали: за прогулы и все такое. Выпер, в общем. Вот он на меня теперь и пишет во все инстанции. Кстати, что-то запоздала

бумага-то… эвона когда все случилось, и она только до тебя дошла?

– Видать в отделе застряла – пожал я плечами – И сбросили только сейчас. Зайду я к этому Силифонову, больше не будет жалобы писать. И встречное заявление напишет – об отказе от претензий.

– Мда… – помотал головой Самохин – Хорошо тебе, вот так… с гипнозом-то!

Мне постелили на мягком большом диване. Я сходил в ванную, принял душ – хорошо, что у меня с собой чистое белье было. А улегшись в постель некоторое время вспоминал, думал – все ли я правильно сделал? Вот, например – можно ведь было «загипнотизировать» того же Валеру и приказать ему убить своих подельников. Вначале я так и хотел сделать, но… в последний момент передумал. Почему передумал? Потому, что опасался того – а если Морана не воспримет жертвы, если их принес не я лично! Хотя она и сказала, что если убью не сам, но с моей подачи жертва отправится в Навь, то это тоже будет воспринято как надо, однако внутри у меня сидело эдакое недоверие, желание обезопасить себя со всех сторон. Тем более что все равно надо скрывать следы, дом надо было уничтожать. После магического огня от трупов даже пепла не останется – он перемешается с пеплом дома, его накроет потоками расплавленного кирпича – и никто никогда не поймет, что внутри остались пять трупов.

Ну ладно, что было бы, если бы я принял первый вариант? Валера убивает подельников, мы возвращаемся домой, привозим Настю. Я ничего не делаю с памятью Насти и Валентины. Настя на каждом углу рассказывает, как ее увел дядя Слава, как появился папа и дедушка, и Настю забрали домой. Валентина, не лишенная памяти рассказывает подругам, знакомым, что Настю похищали, но отец Валентины привез девочку назад. Что будет? Информация разойдется, как круги по воде. А тут – пятеро убитых! И четверых убил Валера, в конце концов застрелился и сам. Будут копать? Будут. Узнают, что туда ездил дедушка девочки, а с ним еще люди. И во что это выльется? В большущую нервотрепку. Возбуждение уголовного дела, допросы, и все такое. Доказать, что Самохин причастен к массовому убийству мажоров невозможно, но нервы потреплют по-полной.

А еще – кто родители этих мажоров? А что, если этим самым родителям захочется наказать убийцу их сыновей? Им не надо приговора суда. Им достаточно знать, что именно Самохин причастен к убийству. И если это

решительные люди, обладающие достаточными средствами и связями – результат может быть очень плачевным. Пристрелят, просто на-раз. От киллера спастись невозможно. Если только у тебя нет амулета физической защиты.

В общем, не надо хитрых затей, не надо долгих придумок – нет тела, нет дела! Сгорел дом, и черт с ним! Я планировал это с самого начала, но до последнего сомневался – надо ли сделать именно так? А потом как озарило – надо! НАДО!

Спалось мне спокойно и без снов. Никаких Моран и Чернобогов, никаких мальчиков кровавых в глазах. Просто спал, да и все тут. А проснулся часов в девять утра – выспавшийся, свежий и не понимающий, где нахожусь. Да – открыл глаза, глянул в белоснежный потолок и секунды три соображал – черт подери, что сделалось с моей бревенчатой избушкой?! Где я?!

И тут же все вспомнил. Вчерашний вечер, вчерашнюю ночь.

Прислушался… в квартире кто-то был. Посуда громыхала, время от времени шумела вода. Потом легкие шаги, дверь скрипнула, приоткрылась.

– Доброе утро! Вы уже не спите? Пойдемте завтракать, я оладьев напекла!

Валентина в своем легком сарафанчике выглядела очень соблазнительно, фигура у нее очень даже недурная. Наверное в спортзал ходит, фитнесс там, и всякое такое…

– Доброе утро! – выдавил из себя я – Да, оладьи – это хорошо.

– Не буду вас смущать, поднимайтесь и завтракать! Папа сказал, что как только он решит вопрос – так сразу позвонит и подъедет. Примерно это будет к обеду. Так что времени у вас еще полным-полно.

Я оделся, надел тапки, которые предусмотрительно оставила у порога Валентина, и поплелся в кухню, где за столом уже сидела Настя. Она радостно меня поприветствовала (здрасьте!) и продолжила рассказывать про какую-то девочку в музыкальной школе, которая никак не может выучить ноты и учительница ей очень недовольна. А вот она, Настя, молодец!

Ну и все в таком духе. Я присел на стул, Валентина тут же поставила передо мной стопку оладьев, большую розетку с клубничным вареньем, и тут… случилось нежданное. Валентина отвлеклась на дочку, и полотенцем, которое держала в руках, смахнула варенье прямо мне на штаны! Ну – в самое что ни на есть причинное место угодила! И по закону подлости – розетка приземлилась ровно вверх ногами, то есть все варенье по штанам.

– Ой! Простите! Настя, ну вечно ты отвлечешь! Давайте я вытру, я сейчас застираю!

Я встал, поднял розетку, поставил на стол, Валентина бросилась ко мне с полотенцем, ткнула мне им в пах, да так, что я охнул и согнулся – ну точнехонько попала куда следует! Или куда не следует? Смутилась, всплеснула руками, покраснела, засуетилась, бросилась к раковине, намочила полотенце и только когда я ее остановил, прекратила свое броуновское движение.

Вот же суматошная баба! Впрочем – бабой ее назвать язык не повернется. Сегодня она выглядела не на свои тридцать лет, а по крайней мере лет на десять моложе. Вот что с людьми делает отдых и хорошее настроение!

А штанам моим ничего не сделалось. Они были чистыми, как в момент рождения. Это подарок кикиморы болотной – вся одежда, что надета на меня, и вся обувь, что на мне – абсолютно не пачкается. Что бы не случилось, какая бы дрянь не пролилась на мою одежду (даже клубничное варенье!) – с ней ничего не будет. Как сейчас. Варенье просто стекло на пол и собралось там пахучей лужей.

– О! Как так?! – удивилась Валентина.

– Это такая ткань – небрежно пояснил я – случайно купил. Китайцы придумали.

– Да они ничего не придумывают, все воруют! – хихикнула Валентина, и снова посмотрела на штаны. Вернее туда, куда недавно пролилось варенье – Я не сильно ушибла?

– Не сильно – вдруг смутился я, и Валентина довольно хихикнула. А потом начала хохотать – звонко, заливисто. За ней захохотала Настя, не очень понимающая, что случилось, но на всякий случай поддержавшая мать. И…я вдруг расхохотался. Ну правда же – глупо как-то вышло, ей-ей.

Потом я ел оладьи, с тем же самым клубничным вареньем, пил чай, и мы разговаривали о всякой ерунде – о китайцах, которые так-то умные, но все патенты воруют, о погоде, которая для начала июня очень уж жаркая, о том как скоро Валентина с дочкой приедут в Кучкино отдыхать.

Потом Валентина отправила Настю к себе в комнату играть на скрипке, а мне вдруг начала жаловаться на мужа, который вчера от нее сбежал. Рассказала о том, как они с ней встретились, и он ей понравился – такой интеллигентный, такой умный, такой уверенный в себе… А потом оказалось, что он ничтожный, мелкий человечек. В глаза говорит одно, улыбается людям, а за спиной говорит гадости. Она уже хотела с ним разбежаться, да он сам выкинул финт – сбежал к какой-то своей шлюхе. Да и слава богу! Вот совершенно не жалко! Неужели она – молодая, красивая, не найдет себе нормального мужика?!

Я поддакивал, кивал, и не вставлял ни слова в этот монолог-исповедь. А что тут скажешь? Ей и не нужно, чтобы кто-то что-то говорил. Ей нужно – чтобы выслушали. А слушать я умею.

Самохин появился в одиннадцать тридцать. Он отдал мне документы на киа-«спектру» какого-то лохматого года, но по его заверениями совершенно исправную и очень даже шуструю. А еще – он за это время умудрился узнать, кто именно является владельцем нужного мне коттеджа (адрес я ему вчера написал). Все готово, теперь можно ехать, решать вопрос.

Сумку со своим барахлом оставил в квартире Валентины, или точнее будет сказать – в квартире Самохина. Попрощался, сказав что приеду скорее всего вечером, и пошел на выход.

Машинка и правда оказалось вполне приличной, и приятным сюрпризом было то, что в ней работал кондиционер. Я закупорился в салоне, включил «кандюк», установив температуру по минимуму, и неспешно влился в поток машин заполонивших улицы города. Утренняя пробка уже слегка рассосалась, вечерняя еще не назрела, так что пусть и с затруднениями, но я без особых проблем ехал по проспекту, раздумывая о том, что мне предстояло сделать. И что меня ожидает в том самом коттедже.

Глава 3

Забор. Опять забор! Высоченный, метра четыре высотой. Читал где-то о том, что за границей легко определить, что в этой вилле живет русский. Ну или украинец – разницы никакой. У этой виллы обязательно будет непроницаемый высоченный забор.

Вот и здесь – коттедж окружен забором, через который мне вряд ли удастся перебраться без специальных средств. И заглянуть туда тоже не удастся. Ни одной, даже маленькой щелочки ни в заборе, ни в воротах. И теперь со мной нет поддержки в лице ЧВК, работающей на олигарха. Можно было бы, конечно, попросить его помощи, но… смысл какой? В чем помощь? Помочь перебраться через забор? Это я и сам смогу… при достаточном усилии.

– Проверьте, есть кто-нибудь на территории и в доме!

– Уже проверили. Двое. Видно – сторожа. Вооруженные. Ружья. Форма, охранное агентство «Аргус».

Иду к воротам, жму звонок. Вернее – кнопку домофона. Через несколько секунд раздается голос:

– Чо надо?

– Войти, поговорить.

– А больше ничо не надо? Пошел на…й отсюда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/zhnec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить